

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 29

1981

Наталья КАЛИНИНА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

МУЗЫКА МОЖЕТ
ТВОРИТЬ ЧУДЕСА

Наталья КАЛИНИНА

МУЗЫКА МОЖЕТ ТВОРИТЬ ЧУДЕСА

*Из блокнота журналиста,
аккредитованного на Международном конкурсе
имени П. И. Чайковского*

Наталья КАЛИНИНА

Наталья Анатольевна Калинина родилась в 1944 году в Ростове-на-Дону. Окончила Московский государственный институт иностранных языков имени Мориса Тореза. Печататься начала в 1964 году. Выступала с очерками, рецензиями, эссе, критическими статьями. Переводила с английского языка произведения Э. Колдуэлла, Э. Лемана, Н. Марш, М. Робертса, Р. Стаута и др., которые печатались в периодической печати.

Регулярно публикуется в «Известиях», «Советской культуре», «Неделе», «Литературной России», журналах «Огонек», «Советская женщина», «Дон».

АВТОРИТЕТНЕЙШИЙ В МИРЕ

(На IV Международном конкурсе имени П. И. Чайковского)

Вот уже начали желтеть фотографии, запечатлевшие улыбки участников I конкурса имени Чайковского, выгорели газетные вырезки со словами напутствия молодым музыкантам, чьи дарования, поднятые высокой конкурсной волной, стали известны всему миру. Иной раз глянут с газетной полосы утомленные глаза уже не такого юного Вана Клиберна или проскользнет сообщение о новых победах питомцев Льва Власенко, Валерия Климова, Штефана Рухи, завоевавших медали I конкурса имени Чайковского. Грусть охватывает, когда задумываешься о том, как же летит время...

В жаркие конкурсные дни московского лета семидесятого года невольно вспоминается такое же жаркое лето 1965 года, когда в Советском Союзе гостил наш старый добрый друг Ван Клиберн. Его третья по счету гастрольная поездка по нашей стране (не считая конкурса) была на редкость насыщенной: Киев, Москва, Новосибирск, Ленинград. К тому же в Москве Ван, по его словам, «рискнул» выступить еще и в роли дирижера. «Ведь москвичи — мои старые друзья. А друзья поймут, простят, если это будет неудачей».

В Москве время музыканта было рассчитано по минутам, и поэтому для того, чтобы взять интервью, мне пришлось лететь вслед за ним в Новосибирск.

Но интервью так и не получилось. Зато получилась душевная дружеская беседа о музыке, литературе, назначении художника...

«Я очень перегружен, утомлен.— жаловался Клиберн.— Бесконечные поездки по Соединенным Штатам, гастроль за рубежом, грамзаписи... Иной раз приходится давать концерты каждый день, иначе, стоит лишь сойти с этой орбиты, и тебя забудут, заживо похоронят. Но в России я чувствую новый подъем, какое-то особое волнение перед выходом на сцену. Заново переживаю те счастливые конкурсные дни. Хочется играть, играть и играть. Ведь музыка может творить чудеса».

А время идет, даже летит. Каждое выступление отнимает уйму сил. Ведь это уже не музицирование в роскошных салонах для избранных. В наши дни музыка стала достоянием всех: широко раздвинулись благодаря радио и телевидению стены и без того огромных концертных залов. Играть, играть и играть... Чтобы навсегда замолкли орудийные залпы, чтобы не падала на спящих детей ледяная тень атомной бомбы, чтобы единственной ареной борьбы стали музыкальные и спортивные площадки мира.

«Музыка может творить чудеса»... — эти слова я часто вспоминала, беседуя с молодыми музыкантами, приехавшими в Москву из 35 стран мира на IV конкурс имени Чайковского. Если для многочисленных слушателей конкурс Чайковского — это только музыка, то для журналиста — работника пресс-центра (организации, выпускающей каждые два-три дня пресс-бюллетень на русском и английском языках, где подробно освещаются все конкурсные события) это прежде всего встречи, беседы. И поэтому для прессы конкурс начался не 2 июня, когда в Большом театре состоялось его официальное открытие, а еще в конце мая, когда в столицу со всей нашей планеты начали съезжаться молодые музыканты, члены жюри, почетные гости, туристы. В их распоряжение была отдана лучшая московская гостиница «Россия», коридоры и холлы которой еще звенели молодыми голосами участников XVI съезда ВЛКСМ. Первые знакомства завязывались тут же, в штабе конкурса, разместившегося в одном из номеров гостиницы, куда прямо с аэродрома приезжали молодые музыканты. Ошеломленные распахнувшейся перед ними панорамой залитой солнцем Красной площади, взволнованные предстоящими событиями, чуть-чуть уставшие с дороги, немного робко входили они в штаб участников конкурса.

«Я безумно счастлив, попав в эту замечательную страну, — говорит пианист из США Стивен Гордон. — Все это вокруг — Кремль, Бэзил Блаженный — так? — это ведь волшебная сказка, исполнившаяся мечта. А в аэропорту нас встретило солнце. Хорошая примета!»

Стив приехал в нашу страну из Калифорнии. Его отец — знаменитый джазовый музыкант. «А я больше всего люблю Шопена и, конечно же, Чайковского, — признается пианист. — Кстати, мой учитель — Тарновский — русский. Ему я обязан своей любовью к русской музыке».

А вот входит группа венгерских музыкантов. «Здравствуйте. Наконец-то мы дома, — говорит по-русски молоденькая светловолосая девушка. Это виолончелистка Энике Содени Надь. — Да, дома, — повторяет она. — Я ведь проходила стажировку в Московской консерватории. Как хорошо снова очутиться в Москве. Чудесно! А это мой соотечественник, Чаба Онцаи, тоже виолончелист, — знакомит девушку. — Правда, он немного побаивается. Еще не знает, какие здесь дружелюбные слушатели».

Поднимаюсь на пятый этаж, чтобы побеседовать с кем-нибудь из приехавших маститых музыкантов — членов жюри. «Поговорите с Юджином Листом, — советуют мне. — Очень общительный человек. Уж я, как его переводчик, это точно знаю».

И действительно, Юджин Лист с удовольствием соглашается дать интервью советскому журналисту. «Ваша пресса уделяет много внимания музыке, а что еще так объединяет людей?!»

На сей раз маэстро Лист приехал в нашу страну как член жюри конкурса пианистов. В 1964 году он давал концерты в Москве, Ленинграде, Киеве, Тбилиси, Баку.

«Такой неутомимый, а ведь уже и не так молод, — рассказывает его переводчик. — Ходит по Москве, всем интересуется. Я едва за ним поспеваю. Уже успели побывать в Музее Владимира Ильича Ленина, в Большом театре на «Борисе Годунове». А сегодня решили пойти в Консерваторию. «Хочу, говорит, посмотреть, не изменилось ли там что за эти шесть лет?» Там мы узнали, что вечером в Большом зале играет Рудольф Керер — вот и идем на его концерт».

Пианист много концертирует у себя на родине и за рубежом. Он частый гость студий звукозаписи. Однако Листу удается выкроить время и для занятий с учениками. «Я преподаю в Рочестере, в Истмен скул, — рассказывает он. — Среди моих питомцев есть и талантливые музыканты. К сожалению, на конкурс имени Чайковского они попасть не сумели: сдают сейчас выпускные экзамены. Да и что греха таить, подчас кое-кому из наших молодых музыкантов бывает трудно собрать деньги для поездки на международный конкурс. Мне грустно говорить об этом, но правда есть правда. Вы ведь помните историю с Ваном Клиберном? Да, Вана я очень хорошо знаю. Чудесный парень, большой музыкант. Порой раздаются возгласы, дескать, Клиберн выдохся. Это несправедливо! По-моему, как раз сейчас он переживает новый творческий подъем, вдохновение. Возмужал, окреп его талант. Его нынешние трактовки поражают своей зрелостью. Мне кажется, Клиберн вполне оправдал то доверие, которое возложила на него золотая медаль конкурса имени Чайковского».

Юджин Лист расспрашивает о советских пианистах — участниках нынешнего конкурса. «Я большой поклонник русской фортепьянной школы, — признается он. — В молодости, бывало, старался не пропустить ни одного концерта Рахманинова. А ведь наша пианистическая школа с давних пор испытывает на себе огромное, благотворное влияние русской школы. В 1962 году мне выпала честь принимать участие в работе жюри II Международного конкурса имени Чайковского. Еще тогда меня поразил его небывало высокий уровень. Советские же пианисты играли просто превосходно. Я с восторгом предвкушаю, сколько хорошей музыки мы услышим. Нам предстоит слушать, слушать и слушать...»

Да, членам жюри и слушателям предстояло оценить игру 68 пианистов из двадцати двух стран мира. Публике прослушать, а жюри оценить, выбрать из них самых достойных. «Определить лучших и худших не так уж и сложно, — замечает Лист, — а вот что касается остальных — тут задача куда посерьезней. Не дай бог ошибиться: это может самым роковым образом сказаться на всей дальнейшей судьбе молодого музыканта».

...А в штаб конкурса прибывают все новые и новые его участники. Мексиканца Оскара Тарраго встречает на советской земле его родной брат, Педро, который учится в Москве. «Я покажу тебе этот замечательный город, познакомлю с русскими, — обещает он младшему брату. — Уверен, ты их полюбишь».

Быстро летят дни. Расцветает в Москве сирень, расцветает флагами 35 стран сквер у здания Московской консерватории. Кажется, они вырастают из самих зарослей сирени, опоясавшей полукругом памятник Чайковскому. Вот уже четвертый раз накануне открытия конкурса несут сюда цветы почитатели русского гения: ландыши, гвоздики, розы, тюльпаны. Здесь уже лежит большой венок из роз от Вана Клиберна. Минуты раздумья у памятника тому, чья музыка скоро зазвучит в трех крупнейших концертных залах столицы... Особенно значительны эти минуты для тех, кому предстоит подняться на конкурсную эстраду. Надежды, волнения, творческий подъем...

Во время жеребьевки пианистов, проходящей в Малом зале Московской консерватории, уже в полную меру ощущается эта ни с чем не сравнимая конкурсная атмосфера — тревожная и вместе с тем по-особому приподнятая. Музыканты успели подружиться, обменяться своими впечатлениями о Москве. Волнуются все до единого: и новички, для которых конкурс Чайковского — первый в жизни международный конкурс, и закаленные, увенчанные лаврами не одного международного конкурса пианисты. Но молодость берет свое. То и дело слышатся аплодисменты, взрывы смеха. А как тут не улыбнуться? Юной болгарке Ольге Кавлаковой, приехавшей из Софии на свой первый международный конкурс, выпадает жребий его открывать, а лауреату нескольких международных состязаний советскому пианисту Владимиру Крайневу достается последний номер. Ну и судьба!

А вот мелькнуло в толпе знакомое лицо. Ну конечно же, американец Юджин Придонов, принимавший участие в III конкурсе имени Чайковского и награжденный почетной грамотой за участие во втором туре.

«Снова в Москве и снова мне все здесь нравится, — говорит Юджин. — И сама организация конкурса, и улицы Москвы, и люди. Представляете, меня тут узнали. Останавливают на улице, желают удачи. По сравнению с прошлым разом я изменил почти всю свою

программу. Иначе и нельзя. Со старым багажом на конкурсе имени Чайковского делать нечего. А вы заметили, как много на нынешнем конкурсе американских пианистов? — интересуется Придонов. — Двадцать три человека! Мы будем соревноваться еще и между собой».

Вечером того же дня в Большом театре состоялось торжественное открытие IV Международного конкурса имени Чайковского.

...Прекрасно, вдохновенно танцевали в тот вечер Е. Максимова и В. Васильев, исполнившие главные роли в балете Чайковского «Щелкунчик». «Я потрясен, восхищен... У меня слов нет... — шептал французский пианист Сиприан Кацарис. — Ваш балет — это сказка, волшебный сон».

А наутро будни, до предела насыщенные музыкой. Ждет на сцене Большого зала открытый рояль, затихла публика, сосредоточились взыскательные судьи.

Конечно же, зал жаждет новых открытий. И они будут, непременно будут. Без них не обходится ни один конкурс имени Чайковского. Слушатели у нас, скажем прямо, избалованные. Ведь в этом самом зале не раз играли Софроницкий, Рихтер, Микельанджели, Артур Рубинштейн... Избалованные в лучшем смысле этого слова. Зал не потерпит фальши, не станет аплодировать музыканту поверхностному, неискреннему. Зато как умеют слушать музыку настоящую! Даже во втором ярусе амфитеатра, иной раз вмещающем раза в полтора больше нормы, царит полная тишина.

«Если на концертах иной раз и попадаетея случайная публика, то уж на конкурсных прослушиваниях вы случайных людей не увидите, — рассказывает билетерша Антонина Викторовна. — Большинство лиц в этом зале мне знакомо. Вон той пожилой женщине сделалось на прошлом конкурсе дурно — говорят, она несколько часов просидела в подвале, чтобы послушать Тиолье. Зато у нас не резиновый».

А иной раз казалось, что он и впрямь резиновый, особенно когда играли наши Крайнев и Севидов, англичанин Лилл, бразилец Лима, американец Гутьеррес... Кое-кто из юных почитателей музыки даже умудрялся пробраться в классы Московской консерватории, где репетировали участники конкурса.

«Просто удивительно, как у вас любят музыку! — говорит девятнадцатилетний француз Сиприан Кацарис. — А впрочем, я такими и представлял русских, Россию. Мужественные, иной раз внешне немножко сдержанные, на самом же деле такие чуткие, душевные. Как и музыка Чайковского. На западе его порой играют слащаво, излишне сентиментально. Но ведь музыка Чайковского так романтична, она проникает прямо в сердце — зачем же ее еще и подслащивать?»

Сиприан с утра и до ночи занимается в одном из консерваторских классов. «Не верил, что пройду во второй тур, — признается он. —

А теперь так хочется играть на третьем! Играть два русских концерта — Первый Чайковского и Третий Рахманинова — играть на родине композиторов. Ведь мое знакомство с музыкой началось со «Славянского марша» Чайковского. Мама рассказывает, что в трехлетнем возрасте я без конца ставил пластинку с этим маршем. Были у нас дома и открытки с русскими пейзажами. Кони, скачущие по безбрежным степям... Кажется, казацки кони. Золотистые купола соборов, березы... Наверно, еще тогда родилась эта мечта приехать в вашу страну. Здесь мне впервые в жизни довелось играть в таком большом зале и такую обширную программу. А с оркестром я играл всего раз в жизни — на одном частном вечере».

Наши слушатели успели полюбить Сиприана. Хрупкий, подвижный юноша с живыми лучистыми глазами. «Легкий, как перышко, — заметил кто-то из публики. — А звук глубокий, полнокровный».

Но конкурс есть конкурс. Побеждает здесь талант в сочетании с упорным, каждодневным трудом. Еще до объявления результатов второго тура Сиприан знал, что на третий не пройдет. «Но я приеду на V конкурс, непременно приеду. Сейчас я ощущаю такой прилив сил. Дома буду играть, играть и играть...»

Да, конкурс есть конкурс. Компетентнейшее в мире жюри строго оценивает каждую сыгранную фразу, подмечает малейшую погрешность. Мало одной техники, грамотности. Нужно проникнуть в самую суть произведения, не покривить душой.

«Как жаль, что у меня не получилось именно с Чайковским! — сокрушался после выступления на первом туре Стив Гордон. — Как я буду смотреть в глаза своим близким, учителю. Я так готовился к конкурсу и вот... подкачал перед столом жюри. Наверно, сказалось напряжение, бессонница».

За день до выступления я слушала Стива на репетиции в классе. Он играл вдумчиво, спокойно, вдохновенно. Особенно «Баркаролу» Чайковского. А на сцене как-то растерялся, побледнел, сник.

«И все равно конкурс дал мне много, — говорит пианист. — Главное, я понял свои слабые места».

То же самое говорит и юный киприот Николас Эконому. Но говорит он это по-русски, так как учится в Центральной музыкальной школе при Московской консерватории. На конкурсе Николас встретился со своим соотечественником Сиприаном Кацарисом («правда, я родился во Франции, но родители мои — коренные киприоты», — поясняет Сиприан), познакомил его с музыкой Родиона Щедрина. «Сейчас я разучиваю его Второй фортепьянный концерт, — говорит Николас. — Чудесная музыка! Современная, темпераментная, искрящаяся весельем. У нас на Кипре очень любят музыку, только, к сожалению, нет еще настоящих пианистов. Ведь мы лишь совсем недавно получили возможность учиться в Москве. А здесь изумительные педагоги».

«Учиться музыке нужно только в Москве! — утверждает бразилец Артур Морейра-Лима. — Если я хоть немного могу играть на рояле, то этим я целиком обязан Рудольфу Кереру, у которого занимался пять лет в Консерватории».

Конечно же, Артур скромничает. Он лауреат шести международных конкурсов.

«Но конкурс имени Чайковского — самый для меня важный, самый трудный. Ему я отдаю все без остатка силы».

Что верно, то верно. После выступления во втором туре бледный, взмокший Артур, шатаясь, добрал до артистической, бессильно опустил в кресло, лишь кивками благодаря тех, кто пришел поздравить его с удачным выступлением. А таких здесь собралось немало. «Артур, ты просто молодчина! — восклицает Александр Слободяник, лауреат III конкурса имени Чайковского. — Твой педагог может тобой гордиться».

«Свою «токкату» я прослушал в исполнении десяти пианистов, — говорит Ян Рязтс, молодой эстонский композитор, автор обязательного конкурсного произведения. — Она каждый раз звучала как-то особенному, раскрываясь все с новых сторон. Но вам, Артур, я благодарен до бесконечности».

Вокалисты — народ более взрослый и зрелый, чем инструменталисты. Большинство из них уже сложившиеся оперные и камерные певцы, как, например, Тамара Синявская, Елена Образцова, Зураб Соткилава, Джон Вест... Однако, несмотря на свой возраст и солидный оперно-концертный стаж, они волнуются не меньше, чем остальные участники конкурса. Затаив дыхание, ждет Елена Образцова, какой ей достанется номер, после кого выпадет петь. Пожалуй, для вокалистов нервы — самое страшное. Ведь этот восхищения достойный музыкальный инструмент — человеческий голос — так зависим от настроения, от душевного состояния.

Не повезло американке Уинфред Деттори. «Нет, дело не в том, что мне выпало открывать конкурс, — говорит она. — Уж больно ответственно петь Чайковского на его родине, да еще на русском языке. Я следила за лицами в зале, стараясь понять по их выражениям, не очень ли я коверкаю русские слова. А они такие добрые, ваши слушатели, отзывчивые. Подбадривали меня аплодисментами, порой и незаслуженными. Я, понятно, расстроена, что не прошла во второй тур, но одно то, что я участвовала в конкурсе имени Чайковского, очень поможет мне в будущем. Я уверена, расширится круг городов, в которых я буду петь. И буду петь Чайковского на русском языке».

Как-то промелькнуло в газете «Морнинг стар», органе Компартии Великобритании, сообщение об успешном выступлении англичанина Джона Лилла в Альберт-холле, одном из крупнейших концертных залов Лондона.

Конкурс имени Чайковского был первым международным конкурсом в жизни Джона Лилла. «Я считаю его самым масштабным и авторитетным в Европе, да, пожалуй, и во всем мире. Уж если участвовать в конкурсе, то именно в этом. И на него нельзя приезжать «с пустыми руками». Мне думается, прежде чем принять участие в таком соревновании, молодой музыкант должен достичь определенного уровня исполнительства, иметь серьезный концертный репертуар. Каким бы ни был итог конкурса, само участие в нем может стать поворотным пунктом в творческой судьбе молодого музыканта».

И двадцатипятилетний английский пианист, надо сказать, приехал в Москву с солидным багажом. В его репертуаре свыше сорока пяти фортепьянных концертов и столько же сольных программ.

«Мои родители — люди небогатые, так что на жизнь мне приходится зарабатывать самому, — рассказывает Джон. — В настоящее время я преподаю в Королевском музыкальном колледже. Вам может показаться странным, но обыкновенно я занимаюсь не более четырех часов в день. Ведь жизнь так богата, разнообразна, и настоящий музыкант, по-моему, не вправе запирает себя в четырех стенах, отгораживаться от мира. Иначе он потеряет связь с жизнью, и слушатели его просто не поймут».

Для Джона Лилла конкурс и впрямь стал поворотным пунктом в творческой судьбе. Вместе с Владимиром Крайневым он завоевал золотую медаль, как несколько лет назад его соотечественник Джон Огдон. Теперь распахнулись для него двери лучших концертных залов мира, крупнейшие импресарио спешат заключить с молодым пианистом контракты. В чем же дело? Неужто за эти двадцать три конкурсных дня так возросло мастерство музыканта? Или же золотая медаль конкурса имени Чайковского, как волшебная палочка, приносит ее обладателю удачу? А может, потому, что наш конкурс и впрямь самый авторитетный в мире? Ведь даже его дипломы присуще магическое свойство распахивать двери концертных залов. Так было с французским пианистом Жаном-Бернаром Помье, которого мы слышали на II конкурсе имени Чайковского. Теперь он приезжает к нам в страну как опытный концертант. А ведь было время, когда сын сельского органиста из маленького местечка Безье был известен лишь своим товарищам по Парижской консерватории да небольшому кругу меломанов. Теперь Помье знаменит. И известность пришла к нему именно в Москве...

Впервые участвовала в фортепьянном конкурсе Монголия. Двадцатипятилетняя пианистка из Улан-Батора Эрдэне Гончик-Сумла не сумела попасть в число финалистов. «Признаться, я на это и не рассчитывала, — говорит Эрдэне. — Но и участие в конкурсе Чайковского уже почетно».

Пианистка училась в Московской консерватории у преподавателя Л. Сосиной. «И хотела бы продолжить здесь свое образование, —

признается Эрдэне. — Но меня ждут в Монголии. И не только мой муж и пятилетний сынишка, с которым я так часто разлучаюсь, а еще и слушатели. В нашей стране музыку любят испокон веку. Народ сочиняет ее, исполняет сам. Я хочу, чтобы мои соотечественники научились понимать и классическую музыку. Чтобы она им стала такой же необходимой, как их бескрайние степи...»

Как ни странно, но самым трудным делом оказалось побеседовать с нашими участниками конкурса. Помню, сразу же после объявления результатов первого тура к юной киевлянке Светлане Чепиге подошла женщина, очевидно, ее педагог, и сказала: «А теперь, Света, идем заниматься. Времени у нас с тобой совсем мало».

Советская пианистическая «команда» состояла из семи человек. Шесть из них стали лауреатами и дипломантами IV конкурса имени Чайковского. Однажды в перерыве между прослушиваниями я подошла к Юджину Листу и попросила его рассказать о своих конкурсных впечатлениях. «Великолепно подготовлены ваши музыканты, — были первые слова маэстро. — Почти все они законченные артисты. Самое яркое впечатление от второго тура — соната си минор Ференца Листа в исполнении Аркадия Севидова. Это одна из лучших интерпретаций сонаты, которую мне когда-либо довелось услышать. Какой романтизм, широта! Севидов обладает уникальнейшим дарованием — это стало понятно еще на первом туре. А во втором туре он просто превзошел все ожидания».

Да, что верно, то верно. С первых же аккордов Прелюдии и фуги Шостаковича чуткая публика вся обратилась в слух. После «Юморески» Щедрина по залу прокатился восхищенный гул. Соната же Листа была встречена настоящей овацией.

Любят у нас эту сонату. Не раз звучала она в Москве в исполнении Софроницкого, Гилельса, Клиберна, Тиолье... А теперь сразу же после Севидова ее играет бразилец Лима. Играет совсем по-иному: зловеще, с сарказмом, особенно подчеркивая мефистофельское начало. В том-то и прелесть конкурса, что за каких-нибудь два часа здесь можно несколько раз услышать одно и то же произведение, причем каждый раз в абсолютно иной трактовке.

В разгаре конкурс; накаляются страсти и на футбольном чемпионате в Мексике. «Артур, сегодня Бразилия играет. Поспеем на Пеле посмотреть?» — спрашивает у Морейра-Лимы Володя Крайнев.

...Поздней ночью Володя пробирается в Большой зал консерватории и, по свидетельству дежурной билетерши, «играет там до зари». А ведь стены этого самого зала не раз были свидетелями успеха Крайнева в концертах. Но конкурс есть конкурс. Тем более конкурс имени Чайковского.

Удачи и неудачи... Да, было на конкурсе несколько действительно неудачных выступлений. Уже после первого тура заметно поредела пианистическая «команда» США. Из двадцати трех музыкантов к участию во втором туре было допущено лишь девять. И надо прямо сказать, что в большинстве случаев причиной неудачи были не нервы, а просто недостаточная подготовка музыканта. По-видимому, многие пианисты не могли себе представить, насколько высок окажется уровень московского соревнования.

А конкурс привлекал к себе все больше и больше внимания. То и дело в пресс-центре раздавались звонки: «Скажите, Тито Гобби еще не приехал? А Мария Каллас? Когда вы их ждете?»

Тито Гобби, Мария Каллас... Их имена овеяны легендами, голоса знакомы и любимы еще со времен детства. А вот итальянские певцы в конкурсах имени Чайковского почему-то не участвуют. «Если итальянские певцы стали бояться соревнований, то что тогда им остается делать?» — шутит Тито Гобби.

И еще один человек, чье имя не значится на концертных афишах, но который имеет к музыке не последнее отношение — американский импресарио Сол Юрок.

«Нет, нет, я приехал не на конкурс, — говорит мистер Юрок. — У меня дела в Москве. Много дел. Ведь я в вашей столице бываю иной раз и трижды в году. Это примерно мой сто двадцатый визит. Добрые у нас установились отношения и с советскими артистами и с теми, кто их здесь представляет».

«Честно признаться, я не поклонник конкурсов. Музыканты, на мой взгляд, раскрываются не в соревнованиях. Для этого нужны годы. Разумеется, медали и призы вдохновляют молодого музыканта. У него появляется уверенность в своих силах. Но не слишком ли много стало лауреатов? Я, понятно, шучу».

«Для того чтобы захватить публику, увлечь ее за собой, одной техники мало, — размышляет Сол Юрок. — Тут нужно еще кое-что. Индивидуальность. И, разумеется, большой музыкант — большое сердце. Как у Шаляпина, Артура Рубинштейна...»

«Слышу иной раз и такие речи: «Я провалился на концерте, потому что в этом зале плохая акустика». Конечно же, настоящий музыкант так не скажет. А на конкурсе я все-таки был. Слушал музыку, слушал то, что говорят в перерывах. У меня свои секреты. Я их никому не открываю», — улыбается Юрок.

«На прощание хочу сказать, что музыка делала и делает очень много для сближения русского и американского народов. Вот уже четырнадцать лет представляю я в Америке советских певцов, музыкантов, танцоров. Мы многого достигли за эти годы. Наши совместные усилия не пропали даром. Мне кажется, что международные конкурсы тоже очень сближают людей».

Однажды, когда во время одного из конкурсных прослушиваний в Большой зал Московской консерватории вошел Станислав Нейгауз, я остро почувствовала, как не хватает его отца, Генриха Густавовича Нейгауза. Помню, как зачитывалась я его книгой «Об искусстве фортепьянной игры», его статьями в газетах, журналах. Об его уроках ходили легенды. А после прочтения его с блеском написанных статей рождалось ощущение соприкосновения с чем-то безмерно прекрасным. Многие из его учеников стали замечательными педагогами. Другие не раз завоевывали награды на международных конкурсах. И на нынешнем конкурсе имени Чайковского золотую медаль завоеует ученик Генриха Нейгауза Владимир Крайнев.

Лет семь назад мне случилось быть в Малом зале Московской консерватории на прослушивании советских пианистов, державших испытание на участие в конкурсе в городе Лидсе. Помню, меня потрясла бетховенская «Аврора» в исполнении Крайнева. И, наверно, не только меня, но и всех присутствовавших в зале. В то время пианисту было девятнадцать. Мне кажется, москвичам он открылся именно тогда. И когда некоторое время спустя Владимир Крайнев вернулся в Москву лауреатом второй премии конкурса пианистов в Лидсе, здесь его уже ждали поклонники музыки.

За минувшие семь лет Крайнев не раз выступал в Москве, каждый раз собирая полный зал. И вот, когда кончился IV конкурс имени Чайковского и стали известны его лауреаты, мне довелось слышать от кое-кого, что Крайнев, дескать, не стал «открытием», конкурсной «сенсацией». Справедливо ли такое мнение? И да и нет. Справедливо в той степени, что мы, советские слушатели, «открыли» для себя Крайнева уже давно. Не раз ценители музыки слышали в его исполнении те же «Симфонические этюды» Шумана, которые он так вдохновенно сыграл во втором туре, этюды Шопена, Прелюдии и фуги Шостаковича... Мы знали, что это большой музыкант, ждали от него многого и не обманулись в своих надеждах.

Разумеется, вполне понятен интерес публики к зарубежным музыкантам — не так уж и часто доводится нам слышать их в концертах, тем более что среди них были по-настоящему талантливые музыканты, были и «открытия» (англичанин Лилл, американец Гутберрес, завоевавший серебряную медаль). Но мне кажется, что для большинства участников конкурса, членов жюри, гостей такими же «открытиями» были и Владимир Крайнев и Аркадий Севилов.

Крайнев поражает своим ярким артистизмом. На мой взгляд, на конкурсе он играл ровнее других, что называется, «без провалов». Но принадлежит ли он к разряду так называемых «конкурсных» пианистов? Концертные выступления Крайнева еще богаче, еще интересней конкурсных.

Джон Лилл по-настоящему раскрылся лишь в третьем туре, хотя уже после первого тура стало очевидно, что перед нами пианист

серьезный, глубокий, ищущий. А во втором туре неудача. Неудача, по словам самого Лилла. За кулисами пианист признался Гилельсу, что играл плохо. «У вас будет возможность сыграть лучше в третьем туре», — успокоил его председатель жюри.

Третий тур — это уже мало похоже на конкурс. Хотя за столом в партере сидит все то же строгое жюри, которое, как и прежде, выставляет баллы. Все равно третий тур — это настоящий праздник, триумф сильнейших. Американец Джеймс Токко, запомнившийся слушателям своей тонкой, изящной интерпретацией прелюдий Шопена, с блеском исполнил Второй концерт Прокофьева. Любопытно было послушать Третий концерт Рахманинова в интерпретации американца Горацио Гутьерреса. Тут мнения и в жюри и в публике разошлись. Но вряд ли кто-нибудь решится оспаривать, что Горацио пианист самобытный, отнюдь не поверхностный.

Наступило время прощаться с конкурсом, с музыкантами, одарившими нас минутами истинного счастья. Как сложатся дальнейшие судьбы лауреатов, дипломантов и многих талантливых музыкантов, не попавших в число финалистов только из-за необычайно высоких требований нашего соревнования? Ведь для многих из них конкурс стал отличной школой, хорошей закалкой. «Пусть не расстраиваются те, кто не попал в число сильнейших, — сказал секретарь жюри конкурса пианистов Лев Власенко, напутствуя молодых музыкантов. — Мы ждем вас на наш V конкурс!»

1970

СБЛИЖАЯ СЕРДЦА

(На V Международном конкурсе имени П. И. Чайковского)

«Чайковский хорошо известен по всему свету... Не будет преувеличением утверждать, что каждую минуту, каждую секунду кто-то где-то в мире должен быть тронут, возбужден или очарован музыкой Чайковского. Я думаю, что это большое звено во взаимопонимании людей из разных стран света».

(Из записки, оставленной в книге отзывов Дома-музея Чайковского в Клину).

«Не могу понять, что происходит с русскими? — удивлялся один западный журналист, аккредитованный на V Международном конкурсе имени Чайковского. — Даже на первом туре в зале нет ни

одного свободного места. А ведь почти везде на Западе первый тур проводится при закрытых дверях, на второй приходят музыканты-профессионалы, и только третий привлекает любителей музыки».

Удивление нашего зарубежного коллеги постепенно переросло в восхищение. Он был потрясен чуткостью публики, тишиной, царящей в наполненных звуками залах. К концу конкурса он уже не удивлялся. Заразившись энтузиазмом наших слушателей, бегал из зала в зал, брал интервью у студентов и рабочих, маститых музыкантов и учащихся музыкальных школ, словом, у тех, кого постоянно можно было видеть в конкурсных залах. «Мне кажется, теперь я лучше понял русскую душу», — сказал он, уезжая после конкурса к себе на родину.

Не знаю, что хотел выразить этими словами наш западный коллега. То ли русская душа открылась ему через музыку Чайковского, Глинки, Рахманинова, Скрябина, то ли он сумел глубже проникнуть в нее, жадно вглядываясь в лица внимающих музыке людей. Бесспорно одно: благодаря ей, музыке, народы лучше узнают друг друга.

Вот почему наш конкурс давно вылился за рамки события чисто музыкального и стал настоящим праздником дружбы, сотрудничества и братства музыкантов всего мира.

Если обратиться к книгам по истории исполнительского искусства, то, пожалуй, одно из первых упоминаний о серьезном музыкальном соревновании относится к XVIII веку, когда в Дрездене Иоганн Себастьян Бах мерился силами с известным французским композитором и органистом Луи Маршаном. Великий Бах с таким мастерством варьировал предложенную Маршаном песенку, что последний отказался сесть после него за орган. Впоследствии Моцарт соревновался в Вене с Клементи, не раз «переигрывал» своих именитых соперников Ференц Лист... Но все это были соревнования мастеров, проводившиеся для утехи светской публики. Мысль же учредить настоящее музыкальное соревнование, которое могло бы способствовать выявлению молодых дарований, принадлежит Антону Рубинштейну.

В сезоне 1885/86 года Рубинштейн дал цикл знаменитых «исторических концертов», охвативших всю историю фортепьянной литературы. Ему аплодировали Берлин и Вена, Петербург, Москва, Париж, Лондон... Из вырученных за эти концерты 80 643 рублей 25 000 он отдал на образование капитала, проценты с которого должны были пойти на организацию периодических международных конкурсов пианистов и композиторов.

Эти музыкальные соревнования предполагалось проводить каждые пять лет поочередно в четырех европейских столицах —

Петербурге, Берлине, Вене, Париже. К участию в конкурсе допускались лица в возрасте от двадцати до двадцати шести лет, без различия «наций, религий и сословий», но только мужского пола. Были учреждены две премии: одна по композиции, другая — за искусство интерпретации, по 5 000 франков каждая.

И вот 27 августа 1890 года в зале Петербургской консерватории открылся первый в истории музыкального исполнительства конкурс, в котором приняли участие шесть пианистов и два композитора.

Сравнивая программу рубинштейновского конкурса с программой первого тура конкурса имени Чайковского, невольно отмечаешь огромное сходство: Прелюдия и fuga Баха, произведения Моцарта и Гайдна, этюд Листа... Однако в отличие от конкурса имени Чайковского, где широко представлена русская музыка, в программу этого конкурса входил концерт для фортепьяно с оркестром Антона Рубинштейна. Только и всего. Хотя в ту пору во всем мире уже пользовался успехом Первый концерт Чайковского. Вот почему рубинштейновский конкурс никак нельзя назвать событием национальным. «Первый блин оказался комом», — писала русская газета «Новости». И не только потому, что «перед нами были пианисты обезличенные» (за исключением, пожалуй, одного Ферруччио Бузони), конкурс этот не стал событием для слушателей. Как признавала все та же газета «Новости», «посторонней публики на конкурсе было немного».

И тем не менее конкурс имени Антона Рубинштейна проводился пять раз, выдвинув такие дарования, как Ферруччио Бузони, Иосиф Левин, Вильгельм Бакгауз. На этом конкурсе были удостоены почетных отзывов Константин Игумнов и Николай Метнер, Александр Гольденвейзер и Бэла Барток, Отто Клемперер и Артур Рубинштейн.

Итак, начало было положено. И хотя конкурс имени Чайковского «родился» лишь весной 1958 года, ему предшествовало несколько всесоюзных конкурсов, выявивших таких ныне всемирно известных исполнителей, как Рихтер, Гилельс, Гмыря, Шафран, Ойстрах... И если в I конкурсе имени Чайковского, где соревновались только пианисты и скрипачи, принял участие 61 музыкант из 21 страны, то на V конкурс, проводившийся по четырем специальностям — фортепьяно, скрипка, виолончель, сольное пение, — заявки прислал 281 исполнитель из 37 стран мира.

Почему из года в год так стремительно растет популярность конкурса имени Чайковского? На этот вопрос лучше всего смогут ответить сами его участники.

«Медаль конкурса имени Чайковского — это пропуск на любую, самую прославленную эстраду мира», — говорит американская пианистка Памела Пол. «Если твоё исполнение было высоко оценено на конкурсе Чайковского, тебя поймут во всем мире», — считает японский виолончелист Хирофуми Канно.

Так случилось прежде всего с Ваном Клиберном. Но, может, он исключение? Может, это редчайший талант, рожденный раз в столетие? Что ж, не берусь оспаривать мнение американского музыкального критика Майкла Броузена, который писал в журнале «Музыкальная Америка», что «мир ожидал прихода нового пианиста-романтика, поэтому Клиберн все равно стал бы значительным пианистом, получи он приз Чайковского или нет». Допустим, Клиберн — явление уникальное.

Вспомним других обладателей медалей конкурса имени Чайковского.

Американская певица Джейн Марш ныне с успехом выступает на самых прославленных оперных сценах мира. Английские пианисты Джон Огдон и Джон Лилл играют при переполненных залах, Елену Образцову приглашают лучшие дирижеры мира...

Может, все дело в том, что их дар тоже уникален и, даже не принимая участия в конкурсе, эти исполнители все равно рано или поздно покорили бы публику и добились заслуженного успеха? Но ведь именно это «рано или поздно» имеет огромное значение в судьбе музыканта. Порой нам, слушателям, кажется, что обилие лауреатов в какой-то мере обесценивает это почетное звание. Однако мы при этом забываем, что победа на конкурсе имени Чайковского — это не только высокие оценки жюри, а еще и успех у публики, открытие ею нового исполнителя, за музыкальной судьбой которого любители музыки отныне будут следить с особым интересом. Поэтому значение конкурса имени Чайковского, самого широко посещаемого конкурса в мире, велико еще и тем, что здесь налаживаются настоящие контакты между исполнителем и залом. (А о чем еще можно мечтать артисту?) Перед музыкантом открывается широкая возможность стать признанным, любимым, народным в самом широком значении этого слова. Причем признание это никак не назовешь поздним — возраст участников инструментальных конкурсов ограничен двадцатью восемью годами, вокалистов — тридцатью, — так что перед музыкантом, завоевавшим награду на конкурсе, открывается широкая дорога к вершинам мастерства. Вот почему на V конкурс имени Чайковского съехалось около 90 лауреатов других международных состязаний, из них 27 — лауреаты первых премий!

Клубок пестрых конкурсных впечатлений начал разматываться еще до официального торжественного открытия конкурса, которое состоялось вечером 11 июня 1974 года в Кремлевском Дворце съездов и завершилось балетом Чайковского «Лебединое озеро». Сразу же после возложения цветов Чайковскому пианисты поспешили в Малый зал консерватории на жеребьевку, где состоялось знакомство со своими арбитрами — членами жюри. Надо сказать, что в составах всех четырех жюри произошли значительные изменения. У пианистов председателем стал известный грузинский композитор Отар Такта-

кишвили. Наряду с ветеранами, принимавшими участие в работе жюри почти всех конкурсов имени Чайковского, такими, как Йозеф Паленичек из Чехословакии, Жозе Секейра Коста из Португалии, Яков Флиер, Павел Серебряков, в состав жюри вошли председатель федерации музыкальных конкурсов маэстро Андре Марескотти из Швейцарии, известная французская пианистка Вассо Деветци, не раз гастролировавшая в нашей стране, лауреат международных конкурсов пианист Евгений Малинин... Между прочим, от конкурса к конкурсу жюри обновляется примерно наполовину, пополняется новыми, молодыми силами. Кстати, теперь в работе всех четырех жюри принимали участие лауреаты предыдущих конкурсов имени Чайковского. Это и американский пианист Джеймс Дик, и певица Мария Биешу, и виолончелистка Наталия Шаховская, и скрипач Борис Гутников.

На жеребьевке всегда многолюдно. Помимо конкурсантов, здесь обычно собирается вся «гвардия» аккредитованных журналистов. Американские пианисты (их на нынешнем конкурсе двадцать шесть) обмениваются первыми впечатлениями о Москве, завязывают между собой знакомства. В Соединенных Штатах Америки не существует системы отбора на конкурс. Музыканты едут стихийно, по собственному желанию и, как правило, на собственные деньги. Вот почему среди них встречаются просто слабые в техническом отношении музыканты. На этот раз из прославленной Джульярдской школы приехали девять человек, пять из них занимались с Розиной Левиной. Тут же в зале сидит в окружении своих учеников Юджин Лист, который на сей раз приехал как почетный гость конкурса.

Может, кто-то со мной и не согласится, но я считаю, что для журналиста, да и не только для него, особый интерес представляет первый тур. Прежде всего потому, что здесь все равно перед столом жюри и набитым до отказа залом. У публики еще нет своего кумира, она ожидает его, жадно вслушиваясь в игру каждого участника. Нет, наших слушателей не удивит лауреатскими наградами, о которых рассказывает буклет. По опыту предыдущих конкурсов мы знаем, что частенько на первые места выдвигаются дебютанты, для которых конкурс имени Чайковского был первым международным соревнованием. Так было с Клиберном, Лиллом, Соколовым... Поэтому слушать нужно всех, и именно на первом туре, где звучат Моцарт, Бах, Лист, Шопен, Рахманинов, Чайковский, Скрябин... А бывает и так, что за бортом после первого тура оказываются сильные, интересные пианисты, которые либо выступили слабее своих возможностей, либо попросту не выдержали эмоциональной нагрузки.

Часто на страницах музыкальной периодики встречается выражение «конкурсный музыкант». Как правило, на творческом счету у таких музыкантов победы на нескольких международных состязаниях. Разумеется, они тоже волнуются перед выходом на сцену, но,

сядая за рояль, умеют стряхнуть с себя груз скованности, отрешиться от конкурсных забот и целиком отдаться музыке. Однако есть среди них и такие, которым это не всегда удается. Американец Марк Уэсткотт — лауреат конкурса пианистов в честь Вана Клиберна в Форт-Уорте, обладатель двух Гран-при на международных конкурсах грамзаписи. Одним словом, опытный, закаленный конкурсант. За кулисами Марк просил фотокорреспондентов не снимать его во время выступления. Его просьба была исполнена, и все равно пианист играл нервозно, судорожно, в неоправданно быстрых темпах. Как тут не вспомнить статью все того же Майкла Броузена, где он в полушутливой манере говорит, что такие великие музыканты, как Альфред Корто, Артур Рубинштейн и Артур Шнабель, вряд ли могли бы в наши дни добиться успеха на конкурсе. «Корто выбыл бы после первого тура, Рубинштейн бы продержался немного дольше, но даже Шнабель не дошел бы до финала!» — восклицает критик.

Возможно, есть в его словах доля правды. Не каждый музыкант может выдержать столь тяжелое нервное напряжение. И тем отраднее было наблюдать, как уверенно идут от тура к туру некоторые музыканты. Никто не скажет, что игра советского пианиста Андрея Гаврилова, ученика доцента Льва Наумова, или американца Мюнг Ван Чунга, который одно время занимался с Розинной Левиной, отличалась механичностью, что этим музыкантам не свойствен полет фантазии и чувство вдохновения. Гаврилов от тура к туру набирал силу, все глубже раскрывалось его яркое самобытное дарование. И все-таки вершиной его успеха был третий тур, где пианист с блеском сыграл Первый концерт Чайковского, ошеломив слушателей размахом, широтой, глубиной проникновения в самую сокровенную суть произведения. Специалисты считают его трактовку Первого концерта лучшей на нынешнем конкурсе. Мюнг Ван Чунг привлек интерес слушателей уже на первом туре исполнением ми-бемоль минорного этюда-картины Рахманинова из 39-го опуса. Во втором туре американский пианист необычайно свежо и в то же время очень убедительно исполнил Пятую сонату Скрябина. (Кстати, готовясь к конкурсу, Чунг «открыл» для себя Скрябина, который стал одним из его любимых композиторов.) А в третьем туре зал разразился бурной овацией после исполнения пианистом Второго концерта Сен-Санса.

...И тем еще интересен для журналиста первый тур, что здесь завязываются просто человеческие, еще не «лауреатские» отношения. Знакомясь с молодым музыкантом, интересуешься в первую очередь не его артистическими успехами, а обычной человеческой судьбой.

Очень интересной она оказалась у кубинской певицы Иоланды Эрнандес Кабрера. Эта хрупкая красивая девушка с большими черными глазами, прежде чем стать певицей, училась на оркестровом факультете Гаванской консерватории по классу... ударных инструментов. Она родилась и выросла в рабочей семье, и ее путь в искусство

в дореволюционной Кубе был нелегким. Но победило упорство, непреодолимая жажда петь. Когда на Кубе свершилась революция, перед Иоландой открылись широкие возможности. Скоро молодая певица стала солисткой национальной оперы, а потом, завоевав первое место на национальном конкурсе, отказалась от гастрольного турне и заявила: «Хочу учиться в Москве!». Мечта Иоланды сбылась. Она два года проходила стажировку в классе профессора Оксаны Свешниковой, поражая всех своим трудолюбием. А поначалу пришлось нелегко. Чужой язык, непривычный климат, различие вокальных школ. Иоланде, которая в основном пела итальянскую оперную классику, в русском репертуаре пришлось начинать с самого начала. Московские любители музыки успели полюбить кубинскую певицу уже по ее студенческим выступлениям на вечерах. После конкурса Иоланда уехала на гастроли по городам Сибири.

Не менее интересна судьба японского певца Чикары Кишимото. Он вырос в деревне, «почти не зная музыки». «Приходилось заниматься тяжелым физическим трудом,— рассказывает Чикара.— Нас у матери пять сыновей, а отец умер, когда мне, старшему, было пятнадцать лет. Как-то я услышал по радио русские народные песни и с тех пор решил — буду петь». Теперь в репертуаре певца, который является солистом Токийского хора, романсы, оперные арии Глинки, Чайковского, Мусоргского. Долго не умолкали аплодисменты в Колонном зале Дома союзов, когда певец исполнил сцену смерти Бориса из оперы Мусоргского «Борис Годунов».

«Теперь у меня две мечты,— говорит Чикара.— Одна — поступить в аспирантуру Московской консерватории, другая — обеспечить своей старушке матери счастливую старость».

Француз Жерар Перотен родился и вырос в бедной семье. «Сейчас я учусь в Музыкальной академии,— рассказывает певец,— а на жизнь зарабатываю тем, что кручу баранку грузовика или прочищаю канализационные трубы. Я несколько лет копил деньги на поездку в Москву и теперь воочию убедился, что мои силы и средства были потрачены не зря. Как бы я хотел учиться здесь!»

Об этом мечтают многие. Вьетнамка Тон Ны Нгуен Минь и венгр Андраш Шифф, болгарка Ваня Миланова и полька Ольга Милер... Для многих эта мечта давно осуществилась — продолжает свое музыкальное образование у профессора Станислава Генриховича Нейгауза французенка Брижит Анжерер, знакомая нам по IV конкурсу имени Чайковского, талантливого иранского скрипача Али Форуга взят в свой класс профессор Давид Ойстрах, стажировался в Московской консерватории арабский пианист Рамзи Ясса, его соотечественник, скрипач Хасан Шарара, продолжает совершенствовать свое мастерство в классе профессора Галины Всеволодовны Бариновой...

Разговаривая с молодыми музыкантами из разных стран, узнаешь, что многих привела на конкурс имени Чайковского любовь к русской

музыке, русской литературе. «Мой любимый писатель — Чехов, — рассказывает пианист из Австралии Деннис Хенниг. — А совсем недавно я прочитал «Тихий Дон» Михаила Шолохова и понял, что непременно должен побывать в России, познакомиться с народом, подарившим миру Чайковского, Рахманинова, Шолохова... Австралия — континент еще малообжитой. Ее жителям частенько придется вступать в единоборство со стихиями. И если в их сердца войдет музыка, их жизнь станет богаче, многообразней. Постараюсь передать им то, о чем знаю сам, помочь полюбить настоящую музыку».

Очень много интересных встреч было на конкурсе. И с участниками, и с членами жюри, и с почетными гостями. Но, пожалуй, самыми интересными были встречи с музыкой. Кто только не выступал в прославленном Большом зале Московской консерватории, кого только не слыхала чуткая и требовательная московская публика! (Да разве только московская? Например, на V конкурс приехали любители музыки со всех концов нашей страны.) Разве не интересно послушать, как нынешнее юное поколение играет Рахманинова, Шопена?.. Наверное, все-таки эти молодые юноши и девушки вернее улавливают и передают дух нашего сложного, многообразного времени, его головокружительный ритм. И прежде всего это сказывается в прочтении классической музыки. Пожалуй, несколько рациональной стал Бах, у кое-кого слишком уж академичен Моцарт, попадают и такие, кто в музыке прежде всего слышит себя. Но большинство словно растворяется в звуках, открывая все новое в этюдах Шопена, Листа, сонатах Скрябина, Прокофьева.

Сложна и многогранна программа конкурса имени Чайковского. Она охватывает, можно сказать, все музыкальное наследие прошлого, уделяя значительное внимание и произведениям современных композиторов. К сожалению, как отмечают многие музыканты, на конкурсе редко звучат сонаты Бетховена. На этот раз всего два пианиста рискнули вынести на суд жюри и слушателей сонаты великого композитора. Ми-бемоль мажорная соната из опуса 81-а была, пожалуй, вершиной творческой удачи двадцатичетырехлетней американки Мариоары Трифен. Это пианистка зрелая, вдумчивая, самобытная. На ее творческом счету лауреатские награды трех серьезных международных соревнований. К сожалению, в финале Трифен выступила ниже своих возможностей, в итоге — диплом конкурса имени Чайковского. А самым любимым произведением участников оказалась си-бемоль минорная соната Шопена. На одном из дневных прослушиваний второго тура она даже звучала дважды. Вслед за американцем Сантьяго Родригесом, покоровшим зал мягкой, быть может, в некоторых местах излишне приглушенной трактовкой этого бессмертного творения польского классика, поразило полнокровное, однако не менее интересное исполнение этой сонаты его

соотечественником Мюнг Ван Чунгом, завоевавшим серебряную медаль конкурса имени Чайковского.

Одно из ярчайших впечатлений второго тура — исполнение восемнадцатилетней Этери Анджапаридзе шумановского «Карнавала». Было в этой интерпретации все: и живость, и простодушие, и изящество, и лирическая раздумчивость, и, наконец, страстность. К конкурсу Этери готовила Вера Горностаева, к ней же в класс и поступила в нынешнем году юная грузинская пианистка, таким образом выдержав в одно лето два сложнейших экзамена — конкурсный и консерваторский. А «Петрушка» Стравинского в исполнении американца Дэвида Лайвли? Казалось, звучал не рояль, а целый оркестр, полнокровный, мощный, яростный.

И как тут не вспомнить слова выдающегося музыканта, педагога, мыслителя, профессора Генриха Густавовича Нейгауза, сказанные после окончания II конкурса имени Чайковского и, как мне кажется, имеющие непосредственное отношение к нынешнему музыкальному соревнованию: «Что ни музыкант, то своеобразное дарование! К сожалению, жюри всегда ограничено количественными пределами, в которых конкурсанты допускаются ко второму туру и финалу. Поэтому для широкой публики остаются неизвестными, неслышанными многие талантливые музыканты, которые в иных условиях (например, обыкновенных гастролей), безусловно, привлекли бы к себе интерес и внимание».

...Необычайно интересно проходило соревнование у скрипачей. Подле первого тура в явные лидеры выдвинулись американец Юджин Фодор, ученик Яши Хейфица, советская скрипачка Русудан Гвасалия, студентка Московской консерватории по классу Давида Ойстраха, юная француженка Мари-Аник Никола.

«Девочка со скрипкой» — так называли слушатели юную Мари-Аник. Она приехала в Москву, о которой мечтала с детства, со своим педагогом Нежми Суккари. У него с Москвой связаны самые теплые воспоминания: Суккари совершенствовал свое мастерство в стенах Московской консерватории. Мари-Аник пленила слушателей своей искренностью, какой-то необычайно доверчивой наивностью, свойственной богато одаренным натурам. Незабываемо прозвучал в ее исполнении Концерт для скрипки с оркестром Мендельсона. А за исполнение сонаты советского композитора С. Слонимского Никола была удостоена специальной премии жюри. «Перед этой девочкой большое будущее, — сказал о юной французской скрипачке профессор прославленной итальянской академии музыки «Санта Чечилия» Реми Принчипе. — Ее бронзовая медаль — это только начало большого, счастливого пути».

Поразителен талант двадцатичетырехлетнего американского скрипача Юджина Фодора, удостоенного серебряной награды конкурса

(золото на V конкурсе скрипачей не досталось никому). Фодор — первый американский скрипач, завоевавший первое место на Международном конкурсе имени Паганини в Генуе за все время существования этого конкурса (а их уже состоялось 20). В состав жюри этого конкурса входила прославленная советская скрипачка и педагог Галина Баринаова. Восхищенная игрой молодого скрипача, она подошла к нему после выступления и сказала: «Юджин, ты непременно должен приехать в Москву на конкурс имени Чайковского».

«Я никогда не забуду этих слов,— говорит Фодор.— Баринаова — великая скрипачка, милый, добрый человек. Своим успехом на конкурсе я во многом обязан ей».

Юджин не преувеличивает. Баринаова слушала все выступления Фодора, приходила на его репетиции. «Не каждый мой студент так дорожит моими советами и замечаниями, как Фодор,— рассказывает Галина Всеволодовна.— Вы не можете себе представить, как я болела за этого чудесного парня. Ведь у него есть все — и большой талант, и трудолюбие, и мастерство. К тому же у него доброе, открытое сердце».

Баринаова первая поздравила Фодора за кулисами после его выступления в третьем туре, где он с блеском сыграл концерт Сибелиуса. Накануне прослушивания на репетиции после исполнения скрипачом этого концерта музыканты Государственного симфонического оркестра СССР, сопровождавшие выступления скрипачей в третьем туре, встали, подчиняясь единому порыву, и долго стучали смычками по пупитрам, выражая свое восхищение.

Любопытна одна деталь: Фодор всерьез увлекается спортом, любит верховую езду, занимается подводным плаванием, ежедневно пробегает четыре мили. Обладательница золотой медали III конкурса имени Чайковского американская певица Джейн Марш даже входила в состав олимпийской сборной США по плаванию. Быть может, увлечение спортом как-то помогает конкурсному успеху?

В работе жюри состязания вокалистов принял участие известный французский композитор Жорж Орик, который вместе с Дариусом Мийо, Артуром Оннегером и Франциском Пуленком входил в знаменитую «Шестерку», сыгравшую большую роль в музыкальной жизни Франции.

«Я принимал участие в работе многих международных конкурсов,— говорит маэстро Орик.— Не хочу делать преувеличенных комплиментов, но, вероятно, конкурс Чайковского все-таки один из самых крупных. В нем принимают участие молодые музыканты почти из всех стран света. И еще одна особенность конкурса Чайковского — завоевав здесь медаль, молодой музыкант получает приглашение выступать на самых прославленных сценах мира, чего нельзя сказать о лауреатах других конкурсов».

«Я очень люблю русских певцов,— продолжает Жорж Орик.— Имена многих из них гремят во всем мире. Мне кажется, дар пения заложен в самом русском народе. В любой, самой отдаленной деревне можно услышать прекрасное музыкальное пение людей, даже незнакомых с нотной грамотой. У русского народа певучая душа. Во Франции тоже любят петь, но, к сожалению, у нас день и ночь передают по радио и телевидению выступления плохих эстрадных певцов, что оказывает пагубное влияние. Правда, недавно в нашей стране была создана Федерация народной музыки, которая организовала прекрасный народный хор. Быть может, она будет пропагандировать настоящую народную музыку...»

Почему же все-таки и на нынешнем конкурсе имени Чайковского не было ни одного итальянского певца? Мне кажется, этот вопрос в дни конкурса был на языке буквально у всех, тем более что в июне 1974 года в Москве гостил миланский театр «Ла Скала», который привез великие оперы Верди, Россини, Беллини. Солисты оперы выступали и с концертными программами, однако пели в основном музыку итальянскую. В одном из концертов знаменитый сейчас во всем мире молодой тенор Пласидо Доминго (испанец по национальности, однако представитель итальянской вокальной школы) исполнил арию Ленского из «Евгения Онегина» Чайковского. Исполнил очень грамотно, красиво, легко. На русском языке. Но почему-то эта пленительная ария прозвучала как-то обыденно, поверхностно и уж чересчур кантиленно. В Италии очень редко ставят русские оперы. Певцы воспитываются главным образом на итальянской классике. Они в совершенстве овладевают всеми тонкостями бельканто, и в техническом отношении для них не существует никаких трудностей. Есть чему поучиться у них нашим вокалистам. Например, великолепно уметь сливаться в ансамбле, поразившему москвичей и в эти летние гастроли прославленного коллектива. Однако кое в чем наши певцы находятся в более выгодном положении. Прежде всего потому, что их репертуар охватывает, можно сказать, музыкальное наследие всех времен и народов. Владимир Атлантов, победитель III конкурса имени Чайковского, с одинаковым успехом поет и в «Пиковой даме» Чайковского, и в «Тоске» Пуччини, и в «Кармен» Бизе... В репертуаре Елены Образцовой — оперные партии из русских, итальянских, немецких опер. К тому же певица с огромным успехом выступает с камерными программами. Таких примеров немало. И если итальянские вокалисты предпочитают принимать участие в своих конкурсах, таких, например, как «Вердиевские голоса», советские певцы участвуют во всех международных конкурсах, как правило, завоеывая призовые места. Советская вокальная школа, вобрав в себя лучшие достижения мировой вокальной педагогики, готовит певцов разносторонних, и не

только оперных, но и камерных. В программу конкурса имени Чайковского наряду с ариями из русских опер входят отрывки из итальянских опер, арии Генделя, Глюка, Моцарта, романсы русских и западных композиторов, народные песни.

...И вот звучит украинская народная песня «Ой, завяла червона калина». Звучит широко и привольно. Поет ее советская певица Людмила Сергиенко, разделившая с болгаркой Стефкой Евстатиевой и венгеркой Сильвией Шаш второе место. И просто не верится, что несколько минут назад та же самая певица с блеском исполнила сложнейшую арию Леоноры из оперы Верди «Сила судьбы».

Первыми борьбу закончили виолончелисты, выдвинув целое созвездие молодых талантов. Высок был уровень нынешнего соревнования. В финал попали лишь лучшие из лучших, и среди них шесть советских музыкантов, а также представители США, Франции, Болгарии. Пока продолжались соревнования по другим специальностям, новые лауреаты успели побывать в городах Советского Союза, знакомя любителей музыки Киева, Ташкента, Ульяновска, Риги со своим вдохновенным мастерством

Американец Джеймс Крегер, занявший на конкурсе четвертое место, побывал в Ульяновске. «Я увожу с собой самые теплые воспоминания, — сказал он. — О простых рабочих, которым я играл Чайковского и Барбера и которые просили меня играть им еще и еще. О красивом, приветливом городе на великой русской реке Волге. Я счастлив, что мне удалось повидать Россию».

В программу конкурса Чайковского входит знакомство с Москвой и Подмосковьем, поездки лауреатов с гастрольями по стране. И это имеет огромное значение, оставляет неизгладимый след в душе молодых музыкантов. Хочется только пожелать, чтобы эти взаимные знакомства музыкантов со слушателями расширялись с каждым новым конкурсом имени Чайковского, «углублялись» в самые отдаленные города и села нашей страны. Именно такие поездки и встречи рождают настоящую дружбу.

Многолюдно в конкурсные дни на подступах к Большому залу Консерватории. Кое-кому из слушателей даже удается проникнуть на репетиции с оркестром. Однако счастливых не так уж и много. Ведь на всех подступах дежурят строгие и заботливые стражи — билтерсы. Кому как не им обязаны участники конкурса тем хотя бы относительным покоем, который царил на репетициях.

В полупустом зале я вижу Юджина Листа, «опекающего» своих соотечественников Мариоару Трифен, Мюнг Ван Чунга и Дэвида Лайвли. «Главное — не надо спешить и волноваться, — говорит он

Мариоаре, только что сыгравшей Третий концерт Прокофьева.— Слушай Прокофьева».

Трифен смеяет за роялем Мюнг Ван Чунг. «За этого парня я спокоен,— говорит Лист.— Он необычайно талантлив, а главное, умеет собраться, отрешиться от всего, кроме музыки. Это волевой музыкант».

Беседуем с Юджином Листом в пустом фойе Большого зала, наполненном звуками настраивающего инструменты оркестра, пассажирами фортепьяно из Первого концерта Чайковского. Беседуем обо всем: о конкурсе, о музыкантах, о музыке.

«Я надеюсь в самом ближайшем времени приехать в вашу страну в качестве пианиста,— говорит маэстро.— У меня есть одна мечта — записать в Москве два фортепьянных концерта Шостаковича. Я их уже записывал, пластинки разошлись у нас очень быстро. А теперь хочу записать эти концерты на родине композитора. Кстати, пластинки фирмы «Мелодия» очень популярны в Соединенных Штатах Америки».

Разумеется, разговор неминуемо заходит о конкурсе.

«Я принадлежу к другому поколению музыкантов-исполнителей,— признается Лист.— Во времена моей молодости конкурсов было значительно меньше. Я не принимал участия ни в одном из них,— мне кажется, моя нервная система ни за что бы не выдержала столь огромной эмоциональной нагрузки. Но каждое поколение отличается друг от друга. Это сказывается и на стиле исполнения. Мое поколение играет уже не так, как Артур Рубинштейн, этот светлый чудомузыкант, который связан с «золотым веком» романтики. И как Горовиц ныне уже не играют. Да это и невозможно. Горовиц уникален, как любой великий художник. Меня учили играть в стиле теплом, сердечном. Мой педагог, Ольга Самарова, была американкой, но на сцене она выступала под русской фамилией. Своим ученикам она привила любовь к глубокому, мелодичному звуку. К сожалению, в наше время некоторые музыканты считают фортепьяно инструментом ударным и извлекают из него неприятные, режущие ухо звуки».

«Своих студентов я никогда не заставляю играть так, как играю я,— продолжает маэстро.— Ведь на свете существует огромное многообразие стилей, и моя манера интерпретации вовсе не является единственным правильным ответом на вопросы, которые ставит перед исполнителем музыка. Я хочу, чтобы нынешнее поколение выражало себя в присущей ему манере. Может, кое-кто сочтет это ворчанием, но мне кажется, что нынче молодое поколение уделяет уж слишком большое внимание точности, порой в ущерб идее музыкального произведения. Вероятно, виной тому грамзаписи. Мы привыкли к чистому, так сказать, идеальному звучанию. Ведь, записываясь

на пластинку, всегда можно выбрать вариант наилучший. Другое дело на эстраде. Здесь любое, даже самое прекрасное, исполнение несовершенно, как несовершенен сам человек: он только стремится к этому идеалу. И, наверно, поэтому живое исполнение я ценю гораздо выше исполнения, записанного на пластинку».

«Преклоняюсь перед эмоциональным исполнением. Но ведь эмоции тоже должны быть умными. Я твердо убежден, что в интерпретации каждого настоящего музыканта должны присутствовать три элемента: сердце, руки, голова...»

Как перекликается это со словами Генриха Нейгауза: «...талант — это теснейший союз трех начал: страсти, интеллекта и техники,— беспрепятственно повторял он.— Если присутствует только одно или даже два, а нет третьего или оно недостаточно развито и выражено,— искусство неполноценно. Уходят в прошлое времена, когда слушатели ахали от пустого виртуозничанья или когда музыканты, употребляя театральное выражение, сжигали под собой подмостки, рвали страсти и... инструменты в клочья. Но нам не по пути и с холодной рассудочностью — это не удел музыки, эмоциональнейшего из искусств. Только соединение трех начал, их взаимопроникновение рождает истинно прекрасное».

Ранний июльский рассвет стал свидетелем «рождения» новых лауреатов и дипломантов V Международного конкурса пианистов имени Чайковского. Их 13. Счастливое число для семи советских музыкантов, тем более что за ними пять высших мест, венгра Шиффа и француженки Анжерер, американцев Чунга, Лайвли, Трифен, финна Хейнонена. И вот последнее конкурсное интервью, состоявшееся уже утром нового дня в холле гостиницы «Россия». Говорит член жюри конкурса пианистов болгарин Богомил Стыршенов:

«Самый яркий талант — молодой Андрей Гаврилов, но это не значит, что он музыкант законченный. Ему еще предстоит многое постичь, многому научиться. Он до такой степени ярчайшая фигура, что его победа была бесспорна, и мы, члены жюри, почти единодушно отдали ему первое место. Есть у него и глубина, и темперамент, и ум. К тому же у Гаврилова прекрасные руки.

Чунг — большой художник, лирическое дарование. Я до сих пор нахожусь под впечатлением от его исполнения во втором туре симфонической минорной сонаты Шопена.

У Станислава Иголинского мне очень понравился Шуберт, в Прокофьеве, пожалуй, не хватило жесткости. А вот Баха он сыграл прекрасно.

Очень талантливы и молодой венгр Андраш Шифф, получивший четвертое место. Но он выступал как-то неровно.

Конкурс выдвинул и некоторые проблемы, в первую очередь проблему несоответствия пианистического уровня с уровнем художе-

ственно-эстетическим. Немаловажна и проблема репертуара. Мне, например, бросилось в глаза почти полное отсутствие на нынешнем конкурсе произведений Бетховена. И это особенно обидно. Ведь Бетховен и Чайковский очень близки по своей художественной натуре. Кстати, в произведениях Чайковского некоторым музыкантам не хватало завершенности образа. Мы, члены жюри, пришли к единодушному выводу, что в наши дни молодежь гораздо лучше трактует музыку современную, чем классику. Даже у самых одаренных пианистов хуже звучали Моцарт, Гайдн, Шопен, Шуман, Брамс. Это проблема репертуара, которая имеет огромное значение в процессе формирования молодого человека, его художественного вкуса. И это является одним из уроков V конкурса имени Чайковского.

Я счастлив, что принял участие в работе жюри одного из самых ответственных конкурсов мира, — сказал в заключение беседы Богомил Стыршенов. — Каждые четыре года в Москве мы становимся свидетелями тех перемен, которые происходят в интерпретаторском искусстве, причем наблюдаем это не в ходе теоретической конференции, а в живой, художественной практике».

...Грустно оттого, что так быстро пролетели эти четыре конкурсные недели, суматошные, радостные, до предела насыщенные музыкой, которая обладает редкостной силой — сближать сердца людей. Западный журналист, который сначала удивлялся тому, какое значение придают в России музыкальному конкурсу, пообещал, уезжая к себе на родину: «Я напишу большую статью о вашем конкурсе и озаглавлю ее «Музыка — дорога к миру на Земле».

1974.

ШЕСТОЙ, МЕЖДУНАРОДНЫЙ...

(Листки из дневника)

8 июня, четверг. Москва пестрит конкурсными афишами, сиренью и первыми ландышами. Особенно ощутим этот праздничный дух возле Большого зала Московской консерватории. Здесь, в правом крыле здания, разместились и Оргкомитет конкурса и его пресс-центр. «В этом году пресса проявляет повышенный интерес к конкурсу, — говорит руководитель пресс-центра Михаил Краснов. — Мы получили свыше трехсот заявок на аккредитацию. Просто не знаю, куда всех вас рассаживать...» К счастью, журналистам не приходится сидеть

на месте (я уж не говорю о фотокорреспондентах — самых «неусидчивых» из всех журналистов). Вот и сейчас: хотелось бы присесть в пресс-центре, поговорить со старыми знакомыми, но... на завтра в «Известиях» запланирован большой материал о встречах с участниками, первые интервью. И самое удобное брать их не в «России», где живут конкурсанты, а здесь у Консерватории, тем более что чуть не каждую минуту подходят автобусы с участниками, прибывшими для регистрации в Оргкомитете, иные попадают сюда прямо из Шереметьевского аэропорта.

Конечно же, это Сантьяго Родригес, пианист из США, который принимал участие в V конкурсе имени Чайковского. Тогда, четыре года назад, Сантьяго не прошел на третий тур, но любители музыки до сих пор помнят его исполнение во втором туре си-бемоль минорной сонаты Шопена. «Да, я снова в Москве, потому что влюбился в русских,— говорит Родригес.— Ведь самое главное для музыканта — контакт со слушателями, а с москвичами он у меня установился мгновенно. Уже три дня в вашей замечательной столице, и мне дорого то, что меня здесь помнят...»

Спешу на помощь нашим известным фотокорреспондентам Владимиру Кузьмину и Юрию Инякину. Они «зажали» в угол длинного худощавого парня и, точно пушки, наставили на него свои фотокамеры. Парень же явно не понимает ни слова по-русски и еще не успел сообразить, чего от него хотят. Робко улыбается и все время потирает свои ручищи. Узнав, что его всего-навсего хотят сфотографировать для советской центральной газеты, пианист из Канады Андре Лаплант радушно улыбается и бережно кладет в карман очки... «Прихватываем» по пути Майкла Блюма из США и англичанина Теренса Ли — вот и готов прекрасный снимок на фоне памятника Чайковскому. Но наши фотографы — мужчины и, естественно, им очень хочется запечатлеть женщину, притом красивую. Из распахнутых окон консерваторских классов гремят и льются звуки рояля — здесь занимаются участники фортепьянного конкурса, первыми вступающие в борьбу. Идем на звуки бетховенской «Аппассионаты» и не ошибаемся — за роялем очаровательная американка Элизабет Кокс, причем (о, находка для Юрия с Владимиром!) хорошо говорящая по-русски.

«Я познавала русские слова вместе с нотами,— говорит Лиз.— Ведь моими первыми педагогами были русские. В стенах Джульердской школы, где я учусь, звучит и русская речь и русская музыка.»

...Они такие разные, эти юные музыканты из всех уголков планеты, но их объединяет что-то одно, неуловимое... Что — пока не могу сказать. Узнаю их даже без значка участника. Наверное, это что-то объединяет всех нас, так или иначе связанных с конкурсом.

Ведь и у меня хотели взять интервью, причем по-английски...

9 июня, пятница. 11 утра. Большой зал Консерватории. Жеребьевка (что за странное, вовсе не музыкальное слово!) пианистов. Партер набит до отказа в основном журналистами. Открывает жеребьевку председатель Оргкомитета конкурса имени Чайковского советский композитор Тихон Хренников. Конечно же, его музыка известна во всем мире, поэтому участники устраивают ему бурную овацию. Председатель жюри Андрей Эшпай представляет своих коллег. Разноязыкое племя пианистов, дирижеров, профессоров музыки... Многие из них и поныне концертируют, как, например, прославленный интерпретатор музыки Шопена польская пианистка Галина Черны-Стефаньска, португалец Жозе Секейра Коста — блистательный исполнитель Равеля, Дебюсси, Де Фалья, американец Юджин Лист, советские пианисты Лев Власенко, Евгений Малинин... Кстати, многие члены жюри сами когда-то принимали участие в международных конкурсах. Так что они знают, каково там, на сцене.

Говорят, многое зависит от того, какой вытянешь номер. По общему мнению, лучше всего играть где-то в середине, поэтому все страшатся билета с цифрой «1». Жеребьевка затягивается, номер «1» все еще лежит в общей куче, а корреспондент «Вечерней Москвы» и я с тревогой поглядываем на часы: нам еще нужно сообщить в свои редакции результаты жеребьевки для вечерних московских выпусков. Наконец, вот он, первый — его вытянул двадцатидухлетний Томаш Вишек из Чехословакии. Подпрыгнул от избытка чувств — таким его и запечатлели фотокорреспонденты. Итак, перед Оргкомитетом стоит весьма непростая задача: вместить в девять дней первого тура 74 участника, а ведь программа каждого длится 40—45 минут!

Вечер. Торжественное открытие конкурса состоялось в Кремлевском Дворце съездов. К участникам и гостям музыкального турнира обратился кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, министр культуры СССР П. Н. Демичев. От имени Советского правительства и лично Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева он приветствовал и поздравил выдающихся деятелей музыкального искусства и молодых исполнителей, приехавших в Москву из многих стран мира.

...И восхитительный концерт, целиком посвященный музыке Чайковского; отрывки из его незабываемых балетов в исполнении лучших артистов нашей страны. Теперь почти все участники превратились в фотокорреспондентов: не прозевать запечатлеть стремительный полет Наталии Бессмертной, изящное «па» Ирины Колпаковой... А завтра с десяти утра волнующие, до предела насыщенные музыкой будни.

10 июня, суббота. В конце летней недели москвичи стремятся за город, на природу. И не удержать их ни театральными премьерами, ни нашумевшими кинокартинами, ни... Однако же на подступах к Большому залу сегодня очень людно. Здесь уже вывешено расписание выступлений, и теперь идет оживленный обмен билетами. Некоторые, особенно очевидцы грандиозного успеха Вана Клиберна двадцать лет назад, хотят послушать американцев (их на нынешнем конкурсе пианистов 22), другие предпочитают сходить на англичан, кто-то «меняет» француза Девуайона, лауреата трех международных конкурсов, на Михаила Плетнева...

За кулисами, как и всегда, толпятся журналисты. Они первыми поздравляют уже отыгравших, дают добрые напутствия выходящим на сцену. Однако по части напутствий пальма первенства принадлежит бесценной ведущей всех конкурсов Чайковского Анне Чеховой — это она находит самые нужные слова, открывая эту страшную дверь на сцену.

Беседую в артистической с только что отыгравшим свою программу американцем Крейгом Нисом, пианистом виртуозным, темпераментным. Крейгу скоро исполнится тридцать; за его плечами годы учебы в институте музыки Кёртиса, большой преподавательский опыт, однако конкурсе имени Чайковского — первый международный конкурс в жизни пианиста. «И последний, — добавляет он. — Американцы до сих пор находятся под впечатлением блистательной победы Вана Клиберна в Москве. Мы, музыканты, любим Вана не только за его уникальный дар, но и за великодушие, отзывчивость. Ван частенько соглашается играть с маленькими оркестрами, чтобы помочь им в финансовом отношении. И музыканты, если им удалось подписать контракт вместе с Клиберном, знают, что на какое-то время их существование обеспечено. У нас в стране, — продолжает Крейг, — высшее музыкальное образование стоит очень дорого, примерно тридцать тысяч долларов. А получив диплом, музыканту еще нужно себя утвердить. Ведь концертная жизнь находится в руках частных менеджеров, которые предпочитают работать со «звездами». Вот почему к вам на конкурс приезжает так много американцев»...

11 июня, воскресенье, утро. Зал бушует после выступления болгарина Красимира Таскова. «Как по-русски прозвучал у него этюд-картина Рахманинова ля минор! — восхищается моя соседка, педагог музыкального училища. — Какой глубокий, светлый, насыщенный звук! Отныне я поклонница болгарской фортепьянной школы!»

В кулуарах конкурса ведутся бесконечные разговоры о фортепьянных школах, их различиях, взаимовлиянии. Все мы знаем: ныне ведущие в мире — советская, американская, французская. И тут

начинаются бурные дискуссии: которая из них старше, чье влияние испытывает и т. д. Бесспорно одно: американская фортепьянная школа впитала в себя лучшие традиции русской школы, и прежде всего благодаря Рахманинову, который, по словам Нейгауза, «пропитал своим гением музыкальную атмосферу Америки...» Особенным средоточием русской музыкальной культуры в США является Джульярдская музыкальная школа, цитадель лауреатов. Любопытный факт: Нил Лэрреби, запомнившийся нам по прошлому конкурсу имени Чайковского (из-за болезни руки он неудачно выступил во втором туре и не прошел в финал, но год спустя стал лауреатом Шопеновского конкурса в Варшаве), в 1976—1977 годах, уже имея в кармане диплом прославленного Джульярда, стажировался в Московской консерватории у профессора Станислава Генриховича Нейгауза, сына Генриха Густавовича Нейгауза. А вот учительница болгарина Красимира Таскова Джулия Ганева училась когда-то у самого Г. Г. Нейгауза...

Вечер. Англичанин Кристиан Блэкшоу изумительно сыграл ля мажорную сонату Бетховена из 101-го опуса. Какая ясность мышления, законченность формы! По-моему, дарованию этого пианиста ближе всего музыка Моцарта, Гайдна. Жаль, что теперь в первом туре не звучат сонаты Моцарта и Гайдна. (А ведь именно благодаря нашему конкурсу во всем мире ныне наблюдается своеобразный ренессанс музыки Гайдна!) К разговору о фортепьянных школах: Блэкшоу стажировался два года в Ленинградской консерватории, потом продолжил обучение в Королевской академии музыки в Лондоне. К какой школе причислить его?

12 июня, понедельник, утро. Я все как-то забываю, что нашему конкурсу уже двадцать лет. Зарубежные участники, с которыми приходится разговаривать, говорят без конца о том, что это самый авторитетный конкурс в мире, что его организация заслуживает наивысшей похвалы, что москвичи — прекрасный, дружелюбный и музыкальный народ. Кстати, за кого болеют наши слушатели? По-моему, в первую очередь за тех, кто играет с полной отдачей, кто доверяет собравшимся в зале и не прячет от них за блеском виртуозной мишуры свою душу. Понравилась москвичам темпераментная американка Гейл Мартин. Она подкупила слушателей непосредственностью, искренним настроем чувств. С Гейл я договорилась встретиться после ее выступления в классе-кабинете художника пресс-боллетеня Валерия Косорокова, где, кстати, стоит прекрасный «Бехштейн». Мы видели в окно, как Гейл, выйдя из артистического

подъезда, сразу же попала в окружение толпы поклонников и целых полчаса «плыла», подхваченная ее волнами, к нашему подъезду.

Да, нелегко приходится этой девушке утверждать себя в музыкальном мире. Гейл работает ассистентом в классе Юджина Листа в Нью-Йоркском университете. Двадцать студентов в неделю плюс шесть часов собственной музыки ежедневно! Гейл поведала мне целую историю. Оказывается, конкурсом имени Чайковского она «заболела» несколько лет назад. Участь у знаменитой Розины Левиной, девушке часто приходилось исполнять партию второго фортепьяно в Первом концерте Чайковского, репетируя с теми, кто собирается на московский конкурс. Уже тогда родилась дерзновенная мечта попытаться счастья в России. В январе 1978 года в Америке впервые проводится конкурс (тоже имени Чайковского), который считался отборочным на наш конкурс. Его организовал Юджин Лист. Помог он этому конкурсу и в финансовом отношении. В конкурсе участвовали двадцать человек из пяти стран: США, Канады, Мексики, Бразилии и Финляндии. Победители награждались бесплатным билетом на самолет в Москву, на конкурс имени Чайковского. Но Гейл почему-то побоялась принять участие в этом конкурсе. Ее однажды попросили сыграть с оркестром Первый концерт Чайковского, но теперь уже исполнить в нем партию солирующего фортепьяно. И тут оркестранты стали в один голос уговаривать девушку поехать в Москву. Решающим оказалось слово Юджина Листа: «Тебе стоит туда поехать, Гейл. Там можно многому научиться...» И вот началась лихорадочная подготовка к конкурсу, перемежающаяся занятиями со студентами. «Музыка для меня — превыше всего!» — таков девиз пианистки. Целеустремленная девушка.

14 июня, среда. Успеваю послушать выступление Михаила Плетнева — о нем еще задолго до конкурса ходили легенды. О его необычайной одаренности, феноменальной памяти. Зал набит до отказа. Сидят на ступеньках амфитеатра, стоят возле дверей. Что-то не припомню такого ажиотажа на первом туре. Но пианист действительно прекрасный! Мыслящий, глубокий. Я уж не говорю о превосходной технике — это у него как-то само собой. А ведь еще совсем юн — двадцать один год!

Бегу на жеребьевку вокалистов в зал Чайковского. Хорошо, что там немного задержались. Известная советская певица, лауреат Ленинской премии Ирина Архипова (она председатель жюри конкурса вокалистов) представляет своих коллег. Среди них три лауреата минувших конкурсов имени Чайковского: Мария Биешу, Евгений Нестеренко, Владислав Пьявко. Хорошо, что в жюри певцов есть дирижеры — Асен Найденов из Софии, главный дирижер Афинской оперы Антиохос Евангелатос... Ведь у дирижеров к певцам особые

требования, я бы даже сказала, целая сумма требований: это и голос, и вокальная техника, и музыкальность, и артистичность. Чем больше в жюри дирижеров, тем строже оценки. Кстати, в правилах конкурса оговорено, что педагоги своим студентам баллы не выставляют.

Итак, 15 июня в борьбу вступают вокалисты, 16-го виолончелисты и 17-го скрипачи.

15 июня, четверг. Узнаю старого знакомого по V конкурсу иранского скрипача Али Форуга. Брала тогда у него интервью после выступления в третьем туре. В прошлый раз Али получил диплом. Он первый иранский музыкант, добившийся успеха на международном конкурсе, «тем более на таком трудном и почетном, как конкурс имени Чайковского!» — по-русски добавляет Али и с благодарностью вспоминает годы учебы в Московской консерватории у Давида Ойстраха. Диплом V конкурса имени Чайковского распахнул перед молодым иранским скрипачом двери лучших концертных залов не только у себя на родине, но и за ее пределами.

...По-моему, в этом году американские пианисты несколько разочаровали московскую публику — уж больно много свободных мест во время их выступлений. Некоторые даже в техническом отношении слабо подготовлены, и это в наш век, когда, по словам Нейгауза, «все играть хорошо». Но будем к ним снисходительны: в США не каждому по карману получить высшее музыкальное образование, к тому же многие сочетают учебу с работой. А тут такая прекрасная возможность побывать на родине Чайковского, Рахманинова, Скрябина, выступить на сцене прославленного Большого зала... Тем более что Оргкомитет конкурса имени Чайковского полностью оплачивает пребывание в советской столице. И тот, кто хоть раз побывал в нашей гостеприимной Москве, уже ни за что не поверит всяким наветам и клевете на наш народ, нашу страну. Один журналист очень метко назвал наш конкурс «академией дружбы».

16 июня, пятница. Сегодня у пианистов выходной день. Многие отправились на экскурсию по Москве-реке, хотя погода отнюдь не летняя. Особенно остро эти «осенние мотивы» московского лета улавливают певцы. Их «инструмент» очень восприимчив к колебаниям температуры, и, конечно же, они бы предпочли жару. Но несмотря на холод и сырость, прекрасно спела свою программу сопрано из Венгрии Каталин Питти. У Каталин чудесный голос теплой окраски. Каталин приехала на конкурс со своим мужем, баритоном Габором Неметом. Интересно, кто из них добьется лучших результатов.

17 июня, суббота. Сенсацией сегодняшнего дня стало выступление канадского пианиста Андре Лапланта, того самого парня, которого так яростно «атаковали» наши фотокорреспонденты. Вечернее прослушивание пианистов началось в 19.30. Лаплант играл четвертым. Многие слушатели к тому времени разошлись: и час поздний, да и канадские пианисты еще никогда не добивались успеха на нашем конкурсе. И вот этот тощий нескладный парень уселся за рояль, заиграл ми-бемоль, минорную Прелюдию и фугу Баха из I тома «Хорошо темперированного клавира» и... остановился где-то в середине. Забыл, смешался... Мне показалось, он сейчас встанет и уйдет со сцены. Зал замер в оцепенении, жюри потупило взоры. Но нет, доиграл, и хорошо доиграл. И тут свое решающее слово сказала публика: Лапланту устроили такую овацию, как будто он сыграл с блеском по крайней мере Фантазию Шопена. Умницы — наши слушатели, не проглядели талант, вовремя поддержали, согрели своим живым теплом. И парень, будто в благодарность, с таким блеском отыграл свою программу, что зал буквально взревел. Особенно после «Кампанеллы» Паганини — Листа. Интереснейший пианист. Любопытная деталь: Лаплант — обладатель третьих премий на трех международных конкурсах: Маргариты Лонг в Париже, конкурсов в Женеве и Сиднее. Моя соседка уже после «Кампанеллы» поставила в своем буклете против его фамилии большую цифру «1». Сбудется ли ее пророчество?

18 июня, воскресенье. Советскую певицу Людмилу Нам я слышала не раз: и на студенческих вечерах (Нам училась в Институте имени Гнесиных, потом перешла в Консерваторию, в класс Архиповой) и со сцены Большого театра. Совсем недавно она исполнила там партию Кончаковны в опере Бородина «Князь Игорь». У Людмилы редкой красоты меццо-сопрано, густое, бархатистое, очень подвижное. Изумительно прозвучали романсы Чайковского «Усни, печальный друг» и «Не отходи от меня».

Прежде чем стать певицей, Нам несколько лет проработала учительницей, работала увлеченно, целиком отдаваясь этому сложному делу. Но в конце концов любовь к музыке взяла верх над всем остальным. Первый серьезный успех Людмилы — вторая премия на VIII Всесоюзном конкурсе вокалистов имени Глинки. Будем надеяться, что конкурс Чайковского станет для молодой певицы очередной покоренной вершиной.

19 июня, понедельник. Публика, вернее сказать, часть зала, устроила овацию американскому пианисту Майклу Блему, одному из победителей американского конкурса имени Чайковского. Безусловно,

одаренный пианист... Но слишком уж вольно расправился он с до-диез минорным этюдом Скрябина из 42-го опуса. Кое-кто говорит: «Пианист-романтик, наконец-то мы его дождалась». Мне же показалось, что парень этот прежде всего жаждет успеха у публики, причем у самой экзальтированной ее части (такие попадаются в любом зале!). «Девиз деятельности Горовица: успех прежде всего! Девиз Рихтера: прежде всего искусство! Второй девиз включает идею служения народу, первый предполагает идею угождения публике», — пишет Нейгауз в книге «Об искусстве фортепьянной игры».

...Трогательная сцена за кулисами: Эрик Тавасшерна, известный финский музыкальный деятель, член жюри конкурса пианистов, провожает на сцену сына, Эрика Тавасшерну-младшего, участника конкурса пианистов. Кладет голову ему на плечо, что-то шепчет на ухо. Наверное, ему тоже нельзя выставлять баллы собственному сыну?

Вечер. Итак, пианисты завершили первый тур. Члены жюри уже выставили свои баллы каждому участнику, теперь их подсчитывает машина, выводит средний балл. Проходной — 18. При выведении среднего балла отбрасываются самые низкие и самые высокие оценки. На улице проливной дождь, а мы беседуем в пятнадцатом классе Московской консерватории со знаменитой польской пианисткой, членом жюри конкурса пианистов Галиной Черны-Стефаньской. Она каждый день находит несколько часов для занятий. «Конкурс меня вдохновляет, так и влечет к инструменту после каждого прослушивания», — признается Черны-Стефаньска. Незаметно официальное интервью об итогах первого тура превращается в увлекательную полуторачасовую беседу о музыке, исполнительстве, конкурсах... «Не люблю, когда говорят, что конкурс — это путь к карьере, — замечает пани Галина. — Вообще не люблю это слово в устах музыканта. Помоему, тот, кто с самого начала думает о карьере, никогда не станет настоящим музыкантом...» Золотые слова! А ведь жизнь не особенно баловала эту женщину. В довоенной Польше была всего одна консерватория — Варшавская, и молодой девушке приходилось ездить туда на занятия из Кракова. К счастью, становление ее творческой судьбы совпало со становлением народной Польши. Первый послевоенный конкурс имени Шопена в 1949 году, где Черны-Стефаньска получила золотую медаль, принес ей мировую славу. «Но я меньше всего думала о карьере, когда играла ноктюрны и этюды Шопена за занавесом, отделявшим конкурсанта от жюри, — рассказывает она. — Помню, у меня был 31-й номер, и, когда я сыграла первое произведение, кто-то из жюри воскликнул: «Наконец мы слышим мужчину!» Пани Галине нравится в Москве. «Я заново переживаю здесь свою молодость. Встречаюсь с друзьями, с которыми

играла на том послевоенном конкурсе: Евгением Малининым, Юрием Муравлевым... Чудесное было время, и я немного завидую тем, кто нынче на сцене, за кем будущее... Конечно, порой утомительно по пять-шесть часов в день слушать одни и те же произведения, подчас в плохом исполнении. Особенно мне бывает мучительно, когда звучит «фальшивый» Шопен, но зато, когда играет по-настоящему одаренный пианист, мгновенно исчезает усталость, и ощущаешь необычайный прилив сил. Меня буквально потряс Плетнев — блистательный пианист! Безукоризненно сыграл этюд Шопена. Ему я поставила высший балл — 25!»

...Дождь навевает грусть, а сейчас это так некстати: грустно за тех, кто остается за бортом первого тура. И как ни убеждаешь себя, что конкурс есть конкурс, все равно мучительны эти часы ожидания. Да, на конкурсе побеждают те, у кого стальные нервы, ясная голова и пылкое сердце. Последнее, к сожалению, встречается в наш век все реже и реже...

Итак, во втором туре пианистов будет 28. И всего трое из 22 американцев — Мартин, Кемпер, Блюм. Прошли все семеро наших участников. Прошли во второй тур представительница Мадагаскара Мирей Ракутумалала и индонезиец Джахья Мурсалим. Их страны — дебютанты нашего конкурса. И, конечно же, Андре Лаплант. Как приятно, когда мнение жюри совпадает с мнением публики!

20 июня, вторник. Сегодня в Зале Чайковского пели басы. Особенно удачно выступил Никита Сторожев, студент Консерватории по классу Евгения Нестеренко. Великолепный голос, красивая осанка. Правда, арии из опер Никите удаются лучше, чем камерные произведения (но ведь романсы — камень преткновения для многих, даже знаменитых певцов, особенно романсы русских композиторов). Нестеренко сидел белее мела. По-моему, он меньше волновался, когда сам пел на конкурсе восемь лет назад. Сторожев — стажер Большого театра. В свои двадцать семь лет спел на его сцене несколько ведущих басовых партий, осенью 1977 года с триумфом выступил в Париже на фестивале советского искусства, посвященном 60-летию Великого Октября. И все-таки, я думаю, самое сложное испытание в жизни артиста — испытание конкурсом.

21 июня, среда. Вечером объявили имена певцов, прошедших во второй тур. Их 26. Самые ощутимые «потери» у теноров и сопрано. Беседую с главным дирижером Софийского академического театра оперы и балета Асеном Найденовым. Час поздний, но маэстро Найденов весел и бодр. «Это вам, молодым, позвоительно ощутить усталость, у вас впереди вечность, мы же, старики, не имеем права на отдых», — шутит он. Переводчик нам не нужен: Найденов прекрасно

говорит по-русски. Он неоднократно бывал в Москве и Ленинграде, дирижировал оперными спектаклями. И, конечно же, смотрит на конкурс глазами оперного дирижера. «Певец — прежде всего артист, а артиста я узнаю по походке, — говорит Найденов. — Тот, кто ходит по сцене, как мешок, никогда не станет хорошим певцом. Вспомним Шаляпина. Я был еще совсем молодым человеком, когда Шаляпин пел в нашем театре. Как же он волновался перед каждым выходом на сцену! Это был священный трепет великого художника, творящего свой образ на глазах у публики. Как-то мне попалось на глаза интервью с одним известным американским артистом. Журналист попросил его назвать самого великого актера нашего века, и тот назвал Шаляпина. «Но ведь Шаляпин был певцом!» — удивился журналист. «Да, — ответил тот актер. — Шаляпин, кажется, еще и пел».

По-моему, этими словами Найденов вполне определенно выразил свое кредо в отношении оперного певца. Посмотрим, чем нас порадует второй тур.

22 июня, четверг. Сегодня кончается первый тур у виолончелистов и скрипачей. Страна томительные часы ожидания перед объявлением результатов, надежды, волнения, слезы...

Скрипачка из США Керри Мак-Дермотт — самая юная участница нынешнего конкурса. Ей шестнадцать. Ее сестре, Анне-Марии, которая приехала с Керри в качестве ее концертмейстера, всего четырнадцать. Керри достался «самый страшный первый номер» на первом в ее жизни конкурсе. Выступление Керри можно считать счастливым дебютом, хоть она и не прошла во второй тур (в этом году во второй тур было допущено всего 19 человек). «Я и обе мои сестры останемся в Москве до конца конкурса, — говорит Керри. — Для нас конкурс Чайковского — настоящая академия Музыки».

23 июня, пятница. Беседую со Львом Власенко, лауреатом I конкурса имени Чайковского, членом жюри нынешнего конкурса, об уроках первого тура. Власенко очень независим в своих суждениях. Его главная черта — искренность. Это он один из первых расцеловал Вану Клиберна после его блистательного выступления в третьем туре, хотя Клиберн и был его главным соперником. «В первом туре пианисты особенно часто «спотыкались» на русской музыке, — говорит Власенко. — Этюды Скрябина и Рахманинова подавляющее большинство играло одним и тем же звуком. Особенно часто Скрябин звучал, как Рахманинов... Кстати, в первом туре двадцать пять раз (да, да, мы не поленились подсчитать!) прозвучал ред-диез минорный этюд Скрябина. И уж слишком, на мой взгляд, часто исполнялась «Осенняя песня» Чайковского. Поэтому те конкурсанты, кто выбрал не

столь часто исполняемые произведения, оказались в более выигрышном положении...»

24 июня, суббота. Любопытная деталь: из советских музыкантов почти никто не рискнул принять участие в конкурсе имени Чайковского, не «опробовав» предварительно свои силы в международных состязаниях. Казалось бы, как говорится в пословице, дома и стены помогают, тем не менее... «На конкурсе Чайковского, мне кажется, нельзя играть так вот сразу, не имея конкурсного опыта, — говорит советский пианист Николай Демиденко. — Чайковский — мой любимый композитор, но путь к постижению глубин его музыки очень непрост. Мечтал участвовать в V конкурсе, но решил: еще рано, еще не созрел духовно для участия в этом сложнейшем состязании».

Своеобразной репетицией к московскому конкурсу стало участие Демиденко в конкурсе исполнителей в Монреале, проходившем в 1976 году. Пианист был удостоен серебряной медали, о нем с восторгом писала канадская пресса. В ту пору Николаю был двадцать один год. Он учился на третьем курсе Московской консерватории в классе Дмитрия Башкирова, получал Ленинскую стипендию. Помню его выступление на Всесоюзном конкурсе дирижеров в декабре 1976 года, состоявшееся сразу после возвращения Николая из Монреаля. Он играл Третий, ре минорный концерт Рахманинова, и трудно было понять, на чью долю выпал больший успех — дирижера или солиста (за пультом стоял молодой ленинградец Михаил Кукушкин).

На нынешнем конкурсе вокалистов собрались очень разные и все по-своему интересные меццо-сопрано. Двадцатилетняя Эва Подлес из Польши обладает небольшим по диапазону, но очень гибким и редким голосом — колоратурным меццо-сопрано. У нее большая певческая культура, она музыкальна, но... как-то уж слишком все продумано в ее исполнении, нет ощущения сиюминутности, присущего Атлантову, Образцовой, Нестеренко... У Людмилы Шемчук красивое, сильное меццо. Она прекрасно владеет своим голосом и поет, как говорится, с душой. Людмилу пришла послушать мадам Оливейра, президент Федерации Международного конкурса вокалистов в Рио-де-Жанейро, на котором Шемчук год назад получила серебряную медаль. Мадам Оливейра очень дорог престиж национального конкурса, вот почему она приехала в Москву на конкурс имени Чайковского, где собралось целое соцветие талантов. «Уже, можно сказать, собрала жюри очередного конкурса, — говорит она. — Многим участникам непременно пошлю приглашение участвовать в нашем конкурсе. В основном это относится к советским певцам. У нас в Бразилии их очень любят. Уровень нашего конкурса зависит прежде всего от того, сколько на него придет советских певцов. Люда Шемчук — моя протеже. Всей душой желаю ей удачи. Часто вспоминаю очаровательную Ольгу Басистюк — обладательницу золо-

той медали позапрошлого конкурса. Всегда сопровождаю ваших певцов в концертных поездках по стране и могу сказать о них лишь самые теплые слова...»

25 июня, воскресенье. Только и разговоров о том, как выступил вчера Плетнев. Хвалят его за «Пештский карнавал» Листа. (Похоже, сейчас он переживает период увлечения броским листовским пианизмом.) Мне же очень понравились фа мажорные вариации Чайковского. Светло, очень по-русски и, главное, с той трогательной простотой и искренностью, какой проникнуто все творчество Чайковского.

За кулисами, у входа на сцену Большого зала, висит список выступающих. Здесь же помечено, кто на каком рояле играет («Бехштейн» либо «Стейнвей» по выбору участника). Анна Чехова слушает всех сквозь дверную щелку, которую сама же и охраняет. А фотокорреспондентам уж так хочется снять участников именно из этой щелки, в неожиданном ракурсе, вот только бы сделать ее чуть пошире... Но Анна непреклонна.

Сегодня играет Стивен Кемпер из США. Он обратил на себя внимание на первом туре как интерпретатор, творящий музыку на глазах у публики. Люблю таких музыкантов. Генрих Нейгауз сказал о них: «Исполнители не анализируют, не разлагают музыку, они ее воссоздают». Но сегодня Кемпер выступил не совсем удачно — накануне «переиграл» палец, а во втором туре такая программа, что и здоровые пальцы можно сломать. Парень просто восхищен Москвой. «Воздух здесь так чист, что я даже позволяю себе выкурить несколько сигарет в день, — улыбается он. — У нас же, в Филадельфии, дышать воздухом все равно что выкуривать по пачке сигарет в день».

26 июня, понедельник. Конечно же, Лаплант — один из явных лидеров нынешнего конкурса пианистов, настоящий поэт фортепьяно. Художник пресс-бюллетеня Валерий Косоруков очень точно уловил это поэтическое начало в облике канадского музыканта: его Лаплант очень смахивает на другого поэта фортепьяно — Фридерика Шопена. Андре прекрасно исполнил си минорную сонату Листа, ее лирические эпизоды были буквально перенасыщены (в лучшем смысле этого слова) теплом и одухотворенностью. Вот только чувствовалась в его игре некоторая фрагментарность, клочковатость. Думаю, всему виной сверхэмоциональность Лапланта. Со сцены он вышел весь мокрый и едва живой. На вопрос: «Испытываете ли вы удовлетворение от своего выступления?» — ответил: «Насчет удовлетворения не знаю, но вот чувство голода испытываю». Лаплант — любимец публики. (На каждом конкурсе у нее есть свои любимцы, как правило, это пианисты-

романтики.) Поклонницы из сострадания к феноменальной худобе парня подкармливают его бутербродами и апельсинами.

27 июня, вторник. У певцов в третий тур прошли 9 женщин и 7 мужчин. (Обычно бывает по 8, но жюри вправе делать исключения.) У женщин прочно лидирует Людмила Шемчук, ей, пожалуй, отданы и зрительские симпатии. Много поклонников оказалось у сопрано из Америки Жаклин Пейдж-Грин. У нее приятный голос, которым она умело владеет, но главное, что подкупает в этой девушке, — необычайная музыкальность, отсутствие малейшей фальши, надуманности в исполнении. У Жаклин «поющее сердце».

28 июня, среда. Сегодня станут известны имена пианистов, прошедших в третий тур, то есть будущих лауреатов и дипломантов. Хочу побеседовать с моим знакомым по предыдущим конкурсам, известным португальским пианистом Жозе Секейра Костой. Маэстро Коста участвовал в работе жюри I конкурса имени Чайковского (ему тогда было всего 26 лет!), а за семь лет до этого, в 1951 году, пианист стал лауреатом конкурса Лонг — Тибо в Париже. С тех пор ведет бурную концертную деятельность — восемьдесят и более концертов в год! Преподает в национальной консерватории и принимает самое активное участие в культурной жизни своей страны. Это ему принадлежит ведущая роль в учреждении Международного конкурса имени Виана да Мота.

Жюри удалилось на совещание в репетиционный зал над сценой. В Большом зале еще играют скрипачи, а лестница артистического подъезда сверху донизу наглухо забита толпой болельщиков. Тоже ждут с нетерпением результатов и переживают за своих любимцев.

Секейра Косту ждет и пианист Владимир Крайнев. Музыкантов связывает давняя и добрая дружба — в 1964 году двадцатилетний студент Московской консерватории Владимир Крайнев завоевал золотую медаль на конкурсе в Лиссабоне. Он неоднократно гастролировал в Португалии и вот теперь, вернувшись из концертной поездки по Испании, с нетерпением дожидается результатов второго тура и, конечно же, своего друга.

Итак, 12 финалистов, из которых пятеро наших (Плетнев, Демиденко, Петров, Рывкин, Груберт), американка Мартин, Джадд и Блэкшоу из Великобритании (впервые сразу два англичанина в финале!), пианистка из Бразилии Каксо (одна из победительниц американского конкурса имени Чайковского), японец Мураками, француз Девуайон и, конечно же, Андре Лаплант (тоже впервые за всю историю конкурса в финал вышел канадский пианист). Стивену

Кемперу присужден специальный приз жюри за лучшее исполнение обязательной во втором туре Прелюдии и инвенции Кажяевой. Этот приз будет вручаться на закрытии конкурса, так что Стиву еще десять дней дышать чистым московским воздухом!

...Мы беседуем с маэстро Костой в пустом вестибюле Большого зала. Сначала говорим о тех, кто не прошел в финал (а среди них были действительно замечательные музыканты!). «Вы слышали Пятую сонату Скрябина в исполнении советской пианистки Музы Рубацки-те? — спрашивает Коста.— По-моему, это исполнение стало одним из открытий нынешнего конкурса. Мне жаль, что эта девушка не прошла в финал, но не каждому музыканту под силу испытание конкурсом».

Коста говорит о том, что на всех международных конкурсах, как правило, лидирует советская исполнительская школа. «И это не случайно. Я знаком с вашей системой образования, вижу, с какой чуткостью, бережностью относятся у вас в стране к талантливой молодежи. Ваше правительство берет на себя все расходы по образованию и даже выплачивает студентам стипендию! Это какое-то чудо, и мне, жителю западной страны, с трудом в это верится. У нас же, я говорю о капиталистическом мире в целом, нередко судьба молодого музыканта зависит от прихоти богатого мецената и приговор «быть или не быть» таланту частенько выносят люди, не сведущие в музыке...»

Вот так: поговоришь с человеком из того, другого мира и задумаешься, — а ведь это и воистину чудо. На Западе исполнитель платит бешеные деньги за аренду зала, за каждую репетицию с оркестром, платит своему концертмейстеру, импресарио... Мне вспоминается случай с французским пианистом Жаном Бернаром Помье, принимавшим участие во II конкурсе имени Чайковского. Жан прекрасно выступил в первом и втором турах, но в третьем туре, можно сказать, «провалил» концерт Чайковского. И неудивительно: в Москве парень впервые в жизни имел возможность играть с оркестром!

29 июня, четверг. Сегодня счастливая передышка и для участников и для журналистов (хотя для телевидения, пожалуй, самый хлопотный день — так сказать, выезд на натуру, в Клин).

С Клином связан последний, самый плодотворный период в творческой жизни Петра Ильича Чайковского. Здесь им написана его лебединая песня — бессмертная Шестая симфония. В одном из своих писем Чайковский писал: «Ни с чем нельзя сравнить эти минуты уединения среди зелени, цветов, когда прислушиваешься и присматриваешься к той органической жизни, которая проявляет себя хоть

и молчаливо и без шума, но громче говорит о беспределности и бесконечности, чем грохот мостовых и вся суета городской жизни».

...И снова звучит Его роуль в гостиной, льются сквозь распахнутые окна чарующие звуки «Жатвы» из «Времен года» в исполнении француза Паскаля Девуайона. А в саду щебечут птицы, и благоухают цветы на любимой клумбе композитора...

30 июня, пятница. И снова конкурс, его мощные заключительные аккорды. Толпы людей, часами выстаивающие в ожидании лишнего билета, — третий тур скорее похож на гастроли заезжих знаменитостей. Большой зал не успевает остыть: репетиции с оркестром идут до самого утра и даже в перерывах между прослушиваниями. Сегодня англичанин Теренс Джадд прекрасно исполнил Третий концерт Прокофьева и за тридцать минут «сгонял» концерт Чайковского. Головокружительный темп, все как бы мимоходом, между делом... Правда, кое-кому понравилось. Что же, как говорится, о вкусах не спорят. По крайней мере дух захватывало от такой скорости. Мне же вспомнилось высказывание знаменитого немецкого пианиста и педагога Артура Шнабеля: «Пианист должен всегда оставаться слугой музыканта».

1 июля, суббота. Великолепно выступила девятнадцатилетняя скрипачка из Румынии Михаэла Мартин. Эта юная девушка обладает целой коллекцией медалей и премий, завоеванных на международных соревнованиях: победила на двух национальных конкурсах, получила первую премию в Глазго, золотую медаль на конкурсе в Бордо... И успела объездить с гастрольями полсвета. Скрипка у Михаэлы пела чистым красивым звуком. Особенно проникновенно были исполнены лирические эпизоды концерта Чайковского. Слушая Михаэлу, я вспомнила лауреата I конкурса имени Чайковского румынского скрипача Штефана Руху. Москвичи помнят и любят этого замечательного музыканта.

Наконец-то первый Моцарт на нынешнем конкурсе пианистов — его ре минорный концерт в исполнении Кристиана Блэкшоу. Какое изящество, благородство в исполнении! Будто свежим ветром пахнуло в душном, до отказа набитом зале. За одну дерзость сыграть на конкурсе концерт Моцарта (тут тебе ни выигранных в виртуозном плане пассажей, ни головокружительных октав) Блэкшоу следовало бы надбавить несколько баллов...

На третьем туре, кроме обязательного концерта Чайковского (как правило, все играют знаменитый Первый), участник должен исполнить любой концерт по своему выбору. И как важно выбрать именно то произведение, в котором можно наиболее полно раскрыть свою индивидуальность. Ведь конкурс — это не концерт, где можно позволить

себе роскошь выступить не совсем удачно и «поправить дело» бисами. Обычно на третьем туре звучат Второй и Третий концерты Рахманинова, Третий Прокофьева, один из бетховенских концертов (чаще всего Третий или Пятый) и так редко звучат Моцарт, Скрябин, Шопен...

2 июля, воскресенье. Итак, названы первые лауреаты — закончили свое состязание певцы. Первой премии у женщин удостоена Людмила Шемчук.

У мужчин первая премия не присуждалась, зато две вторые — у Сторожева и киевлянина Пивоварова (тоже бас!). Каталин Питти и Жаклин Пейдж-Грин получили четвертые премии. В облике Каталин есть что-то романтическое, ведь недаром кто-то из публики сказал, что она напоминает пушкинскую Татьяну. «Это моя любимая роль, — говорит Каталин. — Татьяна из «Евгения Онегина» Чайковского — мой дебют на сцене Венгерской государственной оперы». Габор Немет, муж Каталин, из-за простуды не попал на третий тур.

Евгений Нестеренко, комментируя результаты только что завершившегося соревнования, особо подчеркнул, что значение конкурса имени Чайковского он видит прежде всего в приобщении молодежи к русской музыкальной культуре. Прекрасная мысль!

3 июля, понедельник. Впервые в истории конкурса имени Чайковского обладателем первой премии и золотой медали стал зарубежный виолончелист — американец Натаниэл Розен. Он принял участие в III конкурсе имени Чайковского (в ту пору ему было восемнадцать) и был отмечен почетным дипломом. Вторые премии и серебряные медали у японки Мари Фудзивара и чеха Даниэля Вейса. (Вейс — студент Московской консерватории по классу Наталии Шаховской, победителя II конкурса имени Чайковского.) Две третьи премии достались Александру Князеву и Александру Рудину — ученикам Центральной музыкальной школы, самым юным участниками нынешнего виолончельного конкурса.

...Когда слушаешь Михаила Плетнева, невольно вспоминается высказывание Генриха Густавовича Нейгауза о том, что «рояль — самый интеллектуальный из всех инструментов». Поражает в исполнении Плетнева зрелость. Редкостный дар в таком возрасте. Юности присуще любованье собой, с годами же приходят самоуглубление, внутренняя сосредоточенность, горение на вечном огне неудовлетворенности. Он и в жизни выделяется на фоне остальных участников: сдержан, серьезен, как будто слегка скован или же просто безразличен к происходящему вне себя. Когда-то Рахманинов сказал: «Я на 85% музыкант, во мне только 15% человека». Думаю, Плетнев тоже живет в основном в музыке.

4 июля, вторник. Борис Петров, который так удачно выступил в двух предыдущих турах, как-то сник, «посерел» в финале. Мне кажется, во многом виной неудачная программа — уж больно «не конкурсное» произведение — Второй концерт Брамса. Брамсу присущи резкие перепады настроения, эмоциональные контрасты. Помоему, в напряженной конкурсной обстановке передать это практически невозможно. К тому же концерт длится целых пятьдесят минут!

Лаплант начал с концерта Чайковского, начал (опять!) неудачно, «мазал» в первой части (но это отнюдь не потому, что он слаб технически — у парня прекрасные руки и превосходная техника). Опять клочковатость, неоправданное ускорение темпов в октавных эпизодах. Правда, создалось впечатление, что в некоторых местах темпы исполнителю навязывал оркестр, который, следует отметить, показал себя на нынешнем конкурсе не с лучшей стороны. Но Третий концерт Рахманинова был сыгран на едином дыхании, горячо, взволнованно, трепетно. Цветы, овации, скандирование в зале: «Первая пре-мия! Пер-вая пре-мия!»

5 июля, среда. Последний день конкурса! В зале еще идет прослушивание, а здесь, в сквере у памятника Чайковскому, собралась, как мне кажется, вся музыкальная Москва. Нескончаемые споры о том, как оценивать исполнение: учитывать случайные погрешности или же списывать их за счет нервов. Вот бы в порядке эксперимента создать второе жюри из слушателей, не случайных, конечно, а компетентных! Разошлось бы их мнение с мнением профессионального жюри?

Фотокорреспонденты снимают предполагаемых лауреатов: потом поймать их в кадр будет гораздо сложнее. Фотокамеры уже запечатлели и Плетнева, и Демиденко, и Девуайона, и Лапланта... Семнадцатилетняя скрипачка из США Дилана Дженсон попала в глазок объектива еще во время первого тура: ее снимали и в Клину, где она играла «Мелодию» Чайковского. Может, и эта фотография станет «лауреатской»?

...Белый зал, расположенный в правом крыле Консерватории, набит до отказа. Распахнуты все окна на улицу, чтобы было слышно и тем, кто не поместился. В первом ряду расположились фотокорреспонденты, а участники, эти новые лауреаты и дипломанты, робко примостились за столами, точно выпускники-десятиклассники, ожидающие последнего в своей жизни звонка.

— Решением жюри золотая медаль и первая премия присуждается Михаилу Плетневу, Советский Союз,— объявляет Андрей Эшпай.— Две вторые премии и серебряные медали присуждены Паскалю Девуайону, Франция, и Андре Лапланту, Канада...

Таковыми и запечатлели их на многочисленных снимках фото-

корреспонденты: стоят, обнявшись, француз, русский и канадец. И кажется, нет предела их ликования...

Далеко за полночь объявлены результаты конкурса скрипачей. Первых премий и золотых медалей удостоены советский скрипач Илья Груберт и американец Эльмар Оливейра. (Оливейра участвовал в V конкурсе имени Чайковского, собирался он и на IV, но, по его словам, не выпала судьба.) Две вторые у Михаэлы Мартин из Румынии и Диланы Дженсон из США...

И вот у памятника Чайковскому, где совсем недавно стрекотали кинокамеры, вслыхивали фотоблики и гремели аплодисменты новым лауреатам, уже воцарилась теплая ночная тишина. И только ветер шелестит в кустах сирени и слегка теребит флаги 35 стран — участниц VI Международного конкурса имени Петра Ильича Чайковского.

1978

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Авторитетнейший в мире	3
Сближая сердца	14
Шестой, Международный...	28

Наталья Анатольевна Калинина
МУЗЫКА МОЖЕТ ТВОРИТЬ ЧУДЕСА

Редактор Л. М. Наточанная.

Технический редактор Е. Н. Щукина.

Сдано в набор 03.06.81. Подписано к печати 21.08.81. А 00415. Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 2,93. Тираж 100 000 экз. Изд. № 1800. Зак. № 785. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

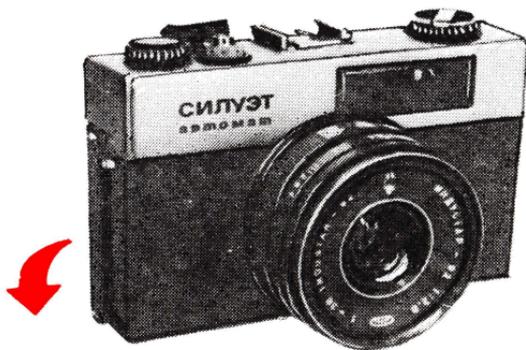

Цена 20 коп.

Индекс 70668

Прост в обращении и недорог

**НОВЫЙ МАЛОФОРМАТНЫЙ ПОЛУАВТОМАТИЧЕСКИЙ
ФОТОАППАРАТ «СИЛУЭТ-АВТОМАТ»**

Именно поэтому мы рекомендуем
его начинающим фотолюбителям.

Электронный затвор выдержек работает в диапазоне от 1/500 до 8 секунд. В сочетании со светосильным объективом «Индустар-92» фотоаппарат позволяет вести уверенную съемку в условиях как слабой, так и сильной освещенности. Кстати, о степени ее (избытке или недостатке) сигнализируют световые индикаторы. Они же контролируют и работоспособность источника питания.

К фотоаппарату можно подключать лампы-вспышки.
«СИЛУЭТ-АВТОМАТ» — находка для начинающего фотолюбителя.

Цена 135 руб.

**ЦРКО «Рассвет»
Телепрессторгреклама**